
Литературный конкурс
«Любовь между строк»
Победитель
Литрес
КОГДА
СЯДЕТ СОЛНЦЕ
Татьяна Морец

Шайрасы

Татьяна Морец

Когда сядет солнце

«Автор»
2023

Морец Т.

Когда сядет солнце / Т. Морец — «Автор», 2023 — (Шайрасы)

Меня вышвырнули с любимой работы, которой я отдала всю себя.Я улетела на исследовательском фрегате, чтобы упасть.Упасть на планету, несущую смерть. Без надежды вернуться и выжить.Смогу ли я когда-нибудь вновь увидеть дом?

© Морец Т., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Предназначение 6
Глава 2. Выжженная земля 8
Глава 3. Преисподняя 11
Глава 4. Глубокая глотка 14
Глава 5. Госпиталь «Звездный» 17
Глава 6. Во тьме 20
Глава 7. Воскрешение 23
Глава 8. Фрэнсис Дрейк 26
Глава 9. Будь сильной 29
Глава 10. Смятение 32
Глава 11. Явью станет сказка 36
Глава 12. Невидимый враг 40
Глава 13. Катастрофа 44
Глава 14. Сдвиг 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Татьяна Морец
Когда сядет солнце

Пролог

Эту звезду не зря называют Белая смерть, а планету, на которой я застряла — Преисподней.

Есть ли хоть что-то в этой планете-пустыне от тех детских сказок, где нагруженные караваны исчезали как мираж между песками?

Если только такое же чувство безмерного одиночества.

Разве могла я когда-нибудь представить, что я — Морайя Горслей — ведущий нейрохирург планеты Джи-3457, буду медленно умирать под лучами враждебного солнца.

Глава 1. Предназначение

Я всегда любила копаться в мозгах.

В самом что ни на есть прямом смысле слова.

Можно ли передать страсть к чему-либо с группой крови? С малых лет я представляла себя блестящим хирургом, как мой отец или дед. Мечтала о крутых операциях, уникальных случаях и, может быть, даже о славе? Но, в отличие от них, кишки, почки и прочий ливер не особо интересовали меня. Возможно, сердце и завоевало бы мои симпатии. Но нет.

Мозг.

Таинственная вселенная внутри черепной коробки манила меня не меньше, чем мороженое по воскресеньям.

Подозреваю, предки были немного разочарованы, но надо отдать им должное, приняли мой выбор и не пытались обратить меня в сторону общей хирургии.

Надо ли говорить, что дебютным пациентом я обзавелась довольно рано. Мне едва исполнилось пять.

Им стал старый плюшевый медведь с аккуратными ушами и мягким носом. Его я тихонько взяла в долг у нашей соседки по этажу. Первый опыт и первое разочарование: я нашла только вату, плотно утрамбованную в полости плюшевой головы. После чего с папой мы долго зашивали вскрытую игрушку. Так под его руководством мной и был освоен П-образный шов. А мишка с извинениями, но без тени раскаяния, был возвращен своей хозяйке.

Несмотря на мое упрямство, дед и отец взяли с меня клятвенное обещание больше не делать попыток заглянуть внутрь игрушек. Особенно не своих. Упрямо закусив губу, я дала его, скрестив пальцы за спиной. Маленькая полезная хитрость для мелкой девчонки, которой меня научил шустрый мальчишка из соседнего отсека, по совместительству мой главный партнер по играм.

На шестилетие мне преподнесли самый запоминающийся подарок в жизни. Череп-манекен — для тренировки нейрохирургов, пусть довольно простой, но для меня лучший. Уже будучи взрослой, я поняла, сколько усилий и средств было вложено моими родителями в возможность сделать мне такой сюрприз. Убеждена, что в тот момент это был единственный способ спасти оставшиеся целые игрушки и направить мой врачебный потенциал в безопасное русло.

Когда родителям стало ясно, что дальше сидеть с няней мне невыносимо скучно, на семейном совете приняли решение отправить меня в лабораторию к маме. Завороженная с первых минут таинственным светом и отблесками ламп на батарее пробирок и колб, я радовалась произведенной замене.

Позже, подростком, часами просиживая в Библиотеке Центрального медицинского корпуса, просматривая один кристалл за другим с научными фильмами, лекциями и операциями, я жадно впитывала в себя тонны информации. И кто сказал, что это неподходящее занятие для гимназистки? Да и мама, кажется, вздохнула с облегчением, когда я покинула ее святилище и осела в библиотеке. Никто больше не осыпал ее сотнями вопросов и не лез в электронный микроскоп.

Со сверстниками не задалось. Как и с дружбой. Что еще больше подтолкнуло меня целиком погрузиться в учебу, не разменяваясь на близкие отношения, не приносящие ничего кроме страданий и глубокого разочарования.

Со временем я перебралась в Общую хирургию под присмотр отца и деда. На Первой орбитальной станции не было отделения нейрохирургии, поэтому, когда возникала острая необходимость и пациента не успевали отправить на Землю, все выполняли здесь. А я, в свою очередь, не упускала возможности наблюдать за всеми манипуляциями из демонстрационного

зала. Студенты и врачи давно привыкли к моему неизменному присутствию над своими головами.

Никто не удивился, что после Гимназии я улетела на Землю поступать в Медицинскую Академию.

И вот, спустя годы, стоя над очередным пациентом с ионным скальпелем в руках, я чертовски довольна собой. Реальность оказалась куда круче детских грез. Травмы, опухоли, аневризмы.

Теперь, в операционной, я часто хотела только одного. Наконец-то попасть в уборную.

Глава 2. Выжженная земля

— Доктор Рай! Доктор Рай! — доносится приглушенно, словно издалека. Звуковой фантом, навеянный ветром?

Веки печет, и каждый вздох больно царапает горло. Проклятый песок везде! И как же хочется пить! Рядом с лежаком, не открывая глаз, на ощупь нахожу металлическую кружку с жалкими остатками воды. Сипло выдохнув, облизываю высушенные губы с глубокими трещинами. Становится все жарче. Недолго думая, трачу последний глоток. Или он просто испарится.

Сегодня я не хочу вставать. И возможно, завтра тоже. Мне некуда спешить.

Я не сплю. Но при любой возможности берегу оставшиеся крупицы сил. Никуда не надо? Порядок. Значит, буду лежать. Нескончаемый жар, извергаемый Белым светилом, превращает каждый день на этой планете в горячечный бред. Когда не понимаешь, какой день по счету. Или месяц. И в конце концов это становится неважным.

По старой привычке запускаю руку в свою шевелюру и тут же отдергиваю. Мои некогда шикарные длинные пшеничные волосы превратились в пыльное нечто. Сухое, изломанное и очень выгоревшее. Мне пришлось их безжалостно коротко обрезать, и теперь они едва прикрывают шею. Не так жарко и голову легче вымыть. Если это можно назвать мытьем, присыпать голову мелким песочком и хорошенько вычесать. Убогий дальний родственник сухого шампуня.

Кусок материи, повязанный косынкой, да старая рубашка с широкими штанами # единственная моя защита от агрессивной среды. Старое тряпье, перекроенное не единожды, заплатки, бахрома… Шикарный у меня гардероб. В стиле пэчворк. Но даже самый рабочий солнцезащитный крем не смог бы обеспечить достаточное прикрытие от излучения.

Поначалу у меня были и темные очки, но их пришлось выменять на воду и еду. В большом количестве. Таков суровый расклад, а без очков я как-нибудь перебьюсь.

Потеть тут особо нечем, что наверно и хорошо. Представляю, как от меня несло бы. Брезгливо морщусь. Зима с редкими дождями теперь нескоро, а запасы влажных салфеток остались только в воспоминаниях.

При желании одежду можно постирать песком. Хотя метод неважный, как и мытье головы, но порой приходится прибегать и к нему.

За эти годы я стала проще относиться ко многим вещам, но мне по-прежнему безумно сложно смириться с таким образом жизни.

Тяжело сглатываю. Чувство жажды вросло в мое тело. Чужеродное и дискомфортное, оно стало постоянной частью меня. Никогда не думала, что это так больно. Привыкнуть невозможно. Я забыла, когда пила вволю. Это было… ну очень давно. С самых первых дней на этой планете пустыня засела внутри меня с редкими зимними перерывами.

Если бы не зима, давно бы погибли все колонисты. И я вместе с ними. Зимой с полюсов приходят спасительные дожди, и ночами температура опускается до двенадцати градусов. Воду собирают во все емкости, моются как могут, стирают одежду. И пьют. Единственное время, когда дома может появиться суп или даже чай. Период, которого всегда с большим нетерпением ждут и который всегда так быстро заканчивается.

В прошлом с таким нетерпением мы ждали лета на холодной Джи-3457. Оно, как обычно, было коротким и далеко не всегда солнечным и теплым. Так и местная зима не всегда щедра на подарки. Последние два года дожди приходили на редкость скудные.

Я пыталась поначалу отсчитывать местные дни, но быстро запуталась, вот и веду отсчет по периодам года, так же как колонисты.

Почти все время провожу на жесткой циновке, сплетенной из какой-то местной сухой травы, что торчит клочьями на северных склонах холмов. Трава, как и все вокруг, окрашена в багряно-красный цвет. Некогда любимый цвет отныне вызывает у меня неистовое отвращение. Если я когда-нибудь выберусь домой, безжалостно избавлюсь от того самого шикарного алого платья, припасенного для новогодней вечеринки в Госпитале.

Только вот… если уж быть откровенной с собой, надежды вернуться домой или просто выжить все меньше. Стараюсь бодриться. Но от себя правды не спрячешь.

Местное Белое солнце беспощадно. Хочешь отправиться в поселок, старые шахты или на склоны — терпеливо жди заката. Без острой необходимости ни одна живая душа не покинет свой дом в дневное время.

Сначала мне приходилось заставлять себя проводить время лежа, из соображений сберечь влагу, особенно пока солнце в зените. Теперь же почти не помню себя другой. Кажется, когда-то я была быстрой и активной. Физически не помню, как это, но очень хочу вспомнить. Но как долго я буду в состоянии этого хотеть? Что-то мне подсказывает, что скоро эта планета высосет не только мои соки, но и волю к жизни.

Сто семнадцатая. Планета-карьер Земной Коалиции. Почти без воды, какого-либо снабжения и связи с внешним миром. Горстка брошенных колонистов на выжженной поверхности. Без будущего, которое у них забрали.

Дай мне возможность, не раздумывая, я бы поменяла это место на холодный, сырой климат Джи-3457. Живя там, не понимала своего счастья. Работая в одном из лучших Госпиталей, мечтала, как ближе к пенсии переберусь на одну из курортных планет и поселюсь в небольшом домике поближе к океану. Мысль работать там семейным врачом не вызывала отторжения, как в начале моей медицинской карьеры.

На сегодняшний день я бы отдала многое, только бы вырваться из этого палящего ада.

Только кто со мной заключит подобную сделку?

***

— Доктор Рай! — слабый детский голосок нарушает тишину пещеры. Нет, то был не мираж.

Открыв глаза, утыкаюсь в каменный свод, служащий потолком моего жилища. С трудом поворачиваю голову и через пыльную со рваными краями штопанную ткань, закрывающую вход, вижу тощий силуэт.

Не сомневаюсь, теперь и я похожа на ходячий скелет. Всегда была поджарой. Но сейчас мне страшно смотреть на свои ставшие очень тонкими руки, ноги и сильно впалый живот, еще немного и он встретится с позвоночником. Я могла бы стать пособием по расстройству пищевого поведения на занятиях по психологическому здоровью пациентов.

Оказавшись здесь, впервые стала воспринимать первый год практики, проведенный на челноках, шныряющих по Поясу астероидов, как подарок, а не наказание. Тогда мне, молодому амбициозному доктору, практика виделась полным издевательством. Разве для этого я училась в лучшей Академии Земли? В тот год у бывалого корабельного врача я набралась опыта в лечении обыденных человеческих болячек, таких как понос или кинойская лихорадка. Иногда везло, и мне доверяли вырезать аппендикс или пришить пальцы не особо удачливому землекопу. Но в целом практика вызывала неприязнь. Пришлось принять ее как неизбежность. Тогда и мысли не возникало, что тот опыт позволит выжить в будущем.

Здесь, недалеко от меня, обитает поселение колонистов. Свой врач погиб давно, и я заняла его место.

Практически голыми руками помогаю бывшим преступникам и таким же, как я, случайно занесенным «везунчикам». По моим примерным подсчетам, поселенцев около ста двадцати, и

это не только одинокие люди, но и целые семьи. В благодарность мне перепадает немного еды и еще меньше воды. Но я не жалуюсь. Без этого бы давным-давно была мертва.

Какие-то препараты и инструменты смогла вытащить со своего искореженного модуля, а что-то нашла в шкафчике предыдущего доктора. Шкафчик, не без помощи мужчин, я перетащила к себе в пещеру. Внутри на его дверце прикреплена фотография улыбающейся женщины и двух девочек. Она поблекла и пожелтела, но у меня не поднялась рука убрать этот снимок. Говорят, это семья старого доктора, оставшаяся на его родной планете, откуда его сослали для поддержания жизни колонистов, особо не заморачиваясь на медицинском оснащении. Как мне поведали, дока уже нет около десяти лет, а нового так и не прислали. Или, вернее будет, не сослали.

Тяжело отрываюсь от воспоминаний. Знаю, что меня не стали бы беспокоить по пустякам. Очень хочу умыться.

Сухую, похожую на пергамент кожу лица прячу под повязкой, она хоть немного защитит от горячих ветров и пыли. Отряхиваюсь и выхожу из своего убежища.

— Что случилось, Рин?

Худая девчонка, кутаясь в грязное тряпье, топчется на месте и, заикаясь от волнения, пытается рассказать, что произошло в поселке.

— Док-к-ктор Рай! Мой брат-т, — голос ребенка срывается. И горькие слезы текут по впалым грязным щекам.

Бережно беру бедную девочку за плечи, присаживаюсь и заглядываю ей в глаза.

— Давай, Рин, соберись, мне нужно знать, что произошло, — ласково пытаюсь успокоить ребенка, — детка, помоги мне.

— Мама зовет! Тим сломал ногу и кровь повсюду. Что-то белое и острое торчит сквозь штанину! Пожалуйста, помогите, — наконец, у нее получается донести суть беды, и малышка срывается в плач.

Проклятье! Открытый перелом. Надеюсь, крупные сосуды не повреждены и нет мелких осколков. Придется латать почти вслепую. Портативный рентген-аппарат разбился с модулем.

— Поторопимся! Я сделаю что могу, Рин! — ободряюще улыбаюсь в ответ, и на пару минут возвращаюсь в свою нору. Быстро пытаюсь найти то, что поможет ребенку. Тревога болезненным комом собирается в груди. Тим — хороший мальчик, несмотря на малый возраст, всегда старается помочь матери и защитить младшую сестру. Такой же худой, как и все на Красной планете. Проказник, но куда без этого.

Здесь эта семья — самые близкие для меня люди. Джек и Хельга вытащили меня из сильно поврежденного модуля примерно в десяти километрах отсюда. И долго, из последних сил тащили на отодранной дверце. По счастью, обошлось без серьезных внутренних травм и переломов. Но меня знатно оглушило, и не вытащи они меня из мятого, как консервная банка, корпуса, я бы спеклась заживо.

Не пожалели для меня и бесценных запасов воды. Не зная, кто я, спасали как своего.

Сгребаю почти пустую аптечку. Обезболивающего осталось очень мало, последние стерильные бинты, кое-как обработанные инструменты. И быстро выхожу. И молюсь про себя, чтобы этих остатков было достаточно оказать необходимую помощь. Уже признавая мрачную реальность. Не хватит.

Антибиотики. У меня их больше нет. Не занести инфекцию в таких условиях — невозможно. А значит, придется снова спускаться под землю.

Принимая во внимание свое нынешнее состояние — очень глупая затея. Но и по-другому не смогу. Смотреть, как в мучениях умирает маленький мальчик.

Кажется, я упустила момент, когда чужая семья стала так много значить для меня.

Глава 3. Преисподняя

Тремя годами ранее

Сосредоточенно мою руки дезинфицирующим средством. Эта простая процедура как медитация. Минуты собраться и настроиться на работу. Под размеренный гул системы воздухоочистки прокручиваю в голове нюансы текущего заболевания и план моих действий. Передо мной стоит сложная задача. Избавить лобную долю от агрессивной опухоли, сохранив при этом пациенту способность внятно изъясняться. Дать ему шанс прожить еще несколько месяцев и позволить его семье быть вместе, когда ценишь каждый день.

Эпоха роботизации и технологий за последние столетия шагнула сильно вперед, но до сих пор не может обходиться без рук и ума живого хирурга.

Следующий этап подготовки — газовый стерилизатор. Все знают, этого обеззараживания достаточно. Но кто из нас упустит возможность немного задержаться перед прозрачными окнами операционной и поразмыслить за тщательным мытьем рук?

Соседний автомат плотно затягивает мои руки в тончайший и прочный полимер. Пара шагов и вот я встаю перед дверьми помещения, в котором воспринимаю себя частичкой Бога.

Слышу писк разъезжающихся дверей. Щурюсь, привыкая к яркому свету. Ежусь от холода и вдыхаю запах присущий только операционной. Время смятений и выбора позади. На смену приходит холодная осознанность. Я собрана. Моя помощница Ани опускает микроскоп манипулятора над головой пациента на нужной высоте и запускает робот-контроль. План лечения я внесла в него накануне вечером, и это поможет мне не ошибиться. Ступаю к своему рабочему месту за пульт манипулятора. Пациент в полусидячем положении готов, как и вся моя команда. Ценю стабильность, поэтому каждый раз со мной одни и те же проверенные люди. Сдержанно киваю им, прикладывая глаза к окулярам. Ну что же, начнем…

Очнувшись от инъекции, что вероломно вколол мне Джонатан, тупо смотрю сквозь стекло транспортировочной капсулы на приборы модуля. Не сразу понимаю где я, но когда воспоминания возвращаются, становится дурно. В моей жизни было разное, но никогда прежде не хотелось выть от отчаяния. Разве что тогда, один раз, в далеком детстве…

А сейчас хочу. Орать и рыдать, выплескивая свою скорбь. Душевная боль настолько сильная, что ощущается тупой ломотой в грудной клетке, мешающей дышать. Неважно, сколько времени прошло в отключке, я остановилась на том страшном моменте.

Непозволительная роскошь # погружаться в безнадегу, при текущем положении вещей.

С огромным трудом собравшись и оставив истерику на потом, оцениваю в первую очередь состав и давление воздуха внутри модуля. А после уже разберусь где я, и в какой части Вселенной меня выкинуло из гиперпространства.

Только убедившись, что в модуле все в порядке, даю команду поднять крышку. Кряхтя, выбираюсь из своей транспортировочной капсулы. И встав, как вкопанная, пялюсь на вторую такую же, но абсолютно пустую. Со мной мог спастись Джонатан, или кто-то еще из нашей большой команды. На фрегате было столько людей…

Но по какой-то причине здесь я одна.

Одна.

Мозг отказывается воспринимать эту информацию.

Ледяной ужас сжимает сердце и снова сбивает дыхание.

Трясу головой. Нет, Рай, нельзя. Нельзя впадать в отчаяние. Не время.

Следом оцениваю свои медицинские показатели. Так, кажется, дела неплохи. Немного понижено давление, газовый состав крови не идеален, незначительно повышена углекислота и слабое обезвоживание. Ввожу себе нейтрализатор седации. Не с первой попытки дрожащими руками подключаю капельницу с питательным коктейлем. Не помню, когда у меня так тряс-

лись руки. Есть пока не смогу. Мне и попить удается с большим трудом: тошнота накатывает волнами и сильно кружится голова.

Держусь. Отключусь позже.

Цепляю на лицо кислородную маску. Так я быстрее приду в себя и избавлюсь от ненужных продуктов метаболизма.

А теперь меня ждет самый сложный вопрос: понять, где нахожусь. Поначалу зонды не обнаруживают ни одного подходящего объекта поблизости, по которому я смогла бы вычислить свои координаты. Со стоном роняю голову на руки. Нужно несколько минут. Немного очухаюсь и пойму, как действовать дальше.

Несмотря на неудобную позу, я все-таки отрубаюсь. То ли от стресса, то ли догнало остаточное действие седатика.

Опомнившись, определяю свое состояние куда более стабильным, чем при первом пробуждении. Воспринимаю степень собственной глупости, как запредельную. Я вырубилась, даже не запустив сигнал о помощи. Ну какой из меня астронавт? Я жила, настолько погрузившись в медицину, упустив элементарные вещи, которые помнит и знает каждый ребенок, окончивший гимназию. Не говоря уж о тех, кто вырос на орбитальной станции. Когда-нибудь моя уверенность в том, что это никогда не пригодится, сыграет не в мою пользу.

Оцениваю запас воды, кислорода, еды и топлива. При экономном использовании, на неделю хватит еды и воды. С кислородом дела обстоят хуже. Надеюсь, хватит на неделю. Рассчитаю, насколько смогу снизить его концентрацию, чтобы критично не сказалось на здоровье. О комфорте речи не идет.

А вот топливо. Пока модуль движется по инерции в неизвестном направлении. Как бы не напрягала эта мысль, придется, естественно, не без помощи бортового компьютера, сделать расчеты и потратить каждый кубик экзоматерии с умом. И рискнуть. Не привыкать. Раньше я рисковала своей репутацией и чужими жизнями. А теперь на кон тоже придется поставить жизнь, но уже свою…

Вдруг в полной тишине сигналами оживает компьютер и выдает вереницу цифр на мониторах. У меня екает сердце. Безумно страшно узнать, где же я нахожусь. Но куда страшнее длительное молчание на любых частотах. Пустой эфир не придает уверенности.

Просматривая столбцы расчетов, пытаюсь разобраться в навигационных данных. Не будь моей последней работы, никогда бы не удалось понять и крупиц этой информации. Часы, проведенные на планерках, в команде фрегата сделали свое дело. Меня никогда не интересовало судовождение. Проще было летать пассажиром и использовать драгоценные часы для отдыха, или изучать информацию по пациенту и его заболеванию. Мне нечасто приходилось покидать Госпиталь для лечения, но иной раз бывало невозможным транспортировать пациента к нам на Джи-3457.

Перед глазами встает команда «Фрэнсис Дрейка». Совещания на капитанском мостике. Медотсек. Дружные завтраки в столовой. Я слышу голоса людей и звуки корабля, что стал мне домом за совсем небольшой период жизни. Больше не имея сил сдерживаться, захлебываясь рыданиями, скукоживаюсь в кресле пилота, позволяя трагедии захватить меня.

***

Четыре бесконечных дня в своем модуле двигаюсь в сторону ближайшей системы, где есть жизнь.

С помощью заметок, загруженных справочников и навигационной системы, обладающей хоть и урезанным интеллектом, мне удалось проделать эту малопонятную и неприятную для себя работу. Лечить людей куда проще, чем разобраться во всем этом. До сих пор довольно слабо верю, что благополучно приземлю транспорт, имея за плечами всего два обязательных

урока на симуляторе. Тот же автолет я водила в случае крайней необходимости, и почти всегда пользовалась услугами аэротакси.

Невероятно повезло оказаться вблизи пригодной для жизни планеты. Условно пригодной, но в моем положении выбирать не приходится.

Физически я полностью восстановилась. Чего нельзя сказать об эмоциональном состоянии. Будь я в безопасности, наверняка бы расклеилась. Но благоприятный исход под большим вопросом, а это хорошо стимулирует держать себя в руках. И действовать.

Даже если долечу. Даже если благополучно сяду на поверхность. Смогу ли я выжить и потом улететь с планеты, несущей смерть?

***

Еще два безумно длинных дня позади.

Я доползла до своей цели. Дьявольская Красная планета заняла едва ли не весь иллюминатор модуля и продолжает приближаться.

Естественно, у меня сразу появились большие сомнения вообще увидеть жилую планету. Куда больше было шансов, что воздух и топливо закончатся раньше. Или я сойду с ума от одиночества.

Система со Сто семнадцатой располагается на краю заселенных нами областей космоса, и я почти ничего не знаю об этом месте. В Реестре планет тоже довольно скудные сведения. Планета-пустырь, заброшена за ненадобностью. Рабочая сила — преступники. Многие из них выбрали рудники вместо осуществления смертного приговора.

А потом рудники забросили.

Кем бы ни являлись эти люди, их просто оставили умирать. Судя по записям, на планете остались не только каторжники, но и целые семьи. Там были и невиновные, но выбравшие жизнь в колонии со своими супругами и дети, родившиеся уже на планете. Их бросили всех. Подписав смертный приговор без разбора.

Поток жгучей ненависти заставляет скрежетать зубами. Не в силах ничего изменить, продолжаю идти к своей цели.

Я и раньше была в курсе сущности людей, стоявших во главе Земной Коалиции. Но не подозревала, насколько все… паскудно.

Снова разглядываю однотипный рельеф Сто семнадцатой. Скалы, пески, кратеры, бескрайние пустыни. Настолько все убого. Две Луны # единственное украшение этой планеты.

Если бы не редкий арканиум, никому бы не сдалось вкладывать столько риалов в пустыню на краю мироздания. В результате активной добычи шахты иссякли, сам арканиум, как и много лет назад, не потерял своей ценности.

Здесь изначально не было условий для жизни.

Мрачно рассматриваю поверхность с орбиты. Еще не ясно, повезло ли мне спастись с «Фрэнсис Дрейка».

Преисподняя. Имя и сущность планеты, на которой мне предстоит выжить.

Глава 4. Глубокая глотка

Рассвет все ближе.

Чуть не кулем падаю у входа в шахту. Сейчас. Еще немного. Наберусь сил и мужества, и встану на дрожащие от усталости ноги. Снова утягиваю завязки на штанах. Неужели еще есть куда худеть? С грустью опускаю взгляд на свою грудь, которая и в хорошие-то времена была скромна. Тьфу, нашла о чем беспокоиться. Выдаю истеричный смешок, зато с маленькой грудью тут проще выжить.

Жерло штольни напоминает пищевод, с округлыми краями. Он уходит вниз, в беспросветную тьму. «Глубокая глотка» неспроста получила такое название.

Свою каменную нору я оставила, как только солнце опустилось за скалистую гряду. Понадобилась целая ночь, чтобы добраться до цели.

— Да уж, скорости мне не занимать, — невесело констатирую я. Мне повезло сегодня, с севера донеслись прохладные потоки воздуха. Они весь путь приятно обдували, не охлаждая, но и не нагревая мое измученное тело.

В последний раз я спускалась в Глубокую глотку пару месяцев назад и еле вернулась. Едва хватило сил подняться по каналу шахты наверх. Старый лифт с трудом работал, еще когда я упала на Красную планету, и постепенно перестал ездить совсем. После поломки спуск и подъем стали возможны только при помощи спускового устройства. И сил своих рук и ног. Знала бы, ходила бы на скалодром с Шефом, а не бегала по утрам по набережной.

Эти полуразвалившиеся шахты не так просты. Они хранят в себе настоящие сокровища для этих земель: консервы с едой, воду, лекарства и инструменты. Многое уже вынесли с тех пор, как Преисподнюю покинули смотрители Коалиции.

В попытках достать из-под земли ценное содержимое, колонисты регулярно оставляют плату, ту что у них есть — свои жизни.

Как и у всякой сокровищницы в этих шахтах есть свой дракон, охраняющий богатства. С заходом солнца прожорливые земляные черви наводняют бесконечные коридоры. Мерзкие твари размером с крупную собаку, зубастой пастью и желудками способны переварить многое, включая металлические бляшки ремней. Эти отвратительно пахнущие животные пожирают все живое, не брезгуя и себе подобными. Во время разработок тюремщики отгоняли червей от шахтеров огнеметами и электрическими стрекалами. Покидая планету, сотрудники коалиции забрали с собой все. Какое им дело до каторжников.

Будь путь наверх легче и пребывание под землей менее опасным, давно бы осталось одно ненужное барахло в заброшенных штольнях. Но дело обстоит иначе. Поэтому колонисты вновь и вновь делают попытки найти и извлечь добро.

Черви давно съели всех собак, крыс и кошек, прибывших с колонистами. И всех тех, кто замешкался под землей.

У меня есть двенадцать часов от рассвета до заката. Двенадцать часов, чтобы спуститься в шахту, найти, собрать все необходимое, и подняться обратно. Иначе я тоже стану ночной закуской. От одной мысли ком встает в горле.

Вернувшись в последний раз, я твердо решила, что только крайняя нужда заставит меня вновь пройти через это.

Так уж вышло, эта нужда настала.

Тянуть время больше нет возможности. Вряд ли отдохну лучше, если буду торчать на краю шахты и нервничать. А нервничаю я сильно. Еще чуть-чуть и начнут дрожать не только кончики пальцев и натруженные ноги, но и все тело.

Проверив страховочную беседку, недовольно фыркаю. Совсем одряхлела. На другой раз ее точно не хватит. Цепляю себя к спусковому устройству, хоть какая-то подстраховка. Завин-

чиваю предохранитель на карабине. Не дав возможности себе передумать, сжимаю челюсти до ломоты в зубах. Судорожно нажимаю спуск и скольжу вниз. В пропасть.

Фонарь включаю, только достигнув конца троса. Заряда батареи ничтожно мало. Говорят, за грядой есть небольшое поселение. У них еще сохранились солнечные батареи и можно подзарядить свои приборы. Но и туда не пойдешь с пустыми руками.

За спиной в рюкзаке у меня припасены пара факелов и одна петарда, очень маленькая бутылочка воды и горсть сухарей. Это все, что я смогла найти. Семья Тима отдала бы все свои запасы, но если я не вернусь? Тогда погибнет мальчик, и вся его семья окажется в еще более бедственной ситуации. По этой самой причине мне пришлось уходить скрытно. Ни с кем не попрощавшись. Да я и не хотела.

Достигнув возможного дна в этой точке, отстегиваюсь от троса. Широкий коридор, уходящий в обе стороны, ветвится на множество путей, с выраженными перепадами высоты.

Некоторые из них отмечены. Самые доступные ближайшие тоннели давно разорены, в некоторые лучше не соваться: сорвешься или вляпаешься в радиоактивную жижу.

И куча коридоров без опознавательных знаков. Есть и те, где по сей день никого не было после закрытия рудника. Там как раз и может быть все то, что мне нужно.

Принимаю решение не искать лекарства и питание в протоптанных тоннелях. Есть больше шансов найти антибиотик и обезболивающее в неисследованных ветвях штольни. Времени на прочесывание исследованных коридоров в одиночку у меня нет. Если уж признаться, то шансов у меня в принципе почти нет. Но я не привыкла сдаваться.

Делаю глоток воды и съедаю пару сухарей. Мало, но сейчас каждая калория пригодится. Пока жую, окончательно определяюсь с маршрутом.

И, поправив старую каску на голове, решительно иду вглубь.

***

Еще один поворот. Спуск, подъем. Мне попадаются отрезки старых рельсов. И вагонетка. Если бы не намертво прикипевшие колеса… Оставив ее позади, иду дальше. Хочется упасть и просто лежать в долгожданной прохладе, но страх за жизнь Тима и свою толкают вперед.

Еще шаг, потом снова. Надолго ли меня хватит?

Давай Рай, иди.

Фонарь уже почти не светит. В полумраке чуть не пропускаю две двери, покрытые облупившейся зеленой краской.

Первая поддается легко, но внутри нахожу только хлам. Стеллажи, с опрокинутыми пустыми бутылками и коробками. Куча мусора на полу. Видно, собирались в спешке, не заботясь ни о чем. На всякий случай перепроверяю коробки. Ничего.

Разочарованно выдохнув, покидаю каморку и иду ко второй двери. Дергаю, что есть сил, но дверь не поддается.

Заперто. В отчаянии бью кулаком по двери и устало прислоняюсь к ней лбом. Нужно открыть. И тут вспоминаю, что в куче хлама видела ржавый гвоздодер. Я не умею им пользоваться, но придется учиться на месте.

С долгими перерывами не менее часа ломаю дверь и замок. Вода и сухари давно закончились. А я пытаюсь решить ребус со многими неизвестными. Пытаться проникнуть в помещение или лучше идти искать дальше?

— Последняя попытка и уйду, — бормочу себе.

Вставляю очередной раз монтировку в районе замка, в щель между дверью и стеной, и наваливаюсь всем весом. Сил в моих руках не осталось.

— Давай же, давай, мне очень надо. Ну! — хриплю отчаянно как заклинание.

Бесполезно. Нужно идти дальше. Столько сил впустую. Бездна!

Спиной стекаю по двери и сажусь на корточки, почти не ощущая, как старая краска и сучки впиваются в спину сквозь ветхую рубашку. Голова безвольно свисает на грудь. Пара минут и нужно подняться. Вдруг слышится глухой щелчок замка, и я валюсь вовнутрь, подняв облако пыли.

Глава 5. Госпиталь «Звездный»

Четырьмя годами ранее

Неожиданно мне закрывают глаза ладонями. Терпеть не могу эти шуточки.

— Олег, я знаю это ты! — недовольно восклицаю я.

— Рай, перестань быть занудой. Пойдем на улицу пить кофе, сегодня у нас в расписании солнце, — темноволосый мужчина в медицинском костюме разворачивает меня в кресле лицом к себе, заразительно хохоча.

Олег Янковский, молодой врач, амбициозный, успешный, но в отличие от меня легко находит общий язык с людьми и располагает их к себе. Это единственный друг в необъятном госпитале, которому я доверяю.

— Я бы с большим удовольствием, Олег! Но у меня нестандартный случай. Нужно еще проверить кое-что, — кручусь в кресле обратно к гало-проекции. — И спокойно обдумать. Это не намек, — указываю гало-ручкой на выход.

— Опять ты со своими нейронами. О-о-о, а что тут интересное? — мужчина внимательно разглядывает объемную модель мозга. И присвистывает. Доброкачественная опухоль, формой яйца и размером в шесть сантиметров, засела в стволе головного мозга.

— Офигеть! Этому бедолаге крупно не повезло!

— Олег, тебе лучше не вдаваться в подробности, — настойчиво отодвигаю настырного приятеля в сторону двери.

Тот не теряется и ловко запирает дверь, оставшись со мной.

— Рассказывай! Неужели ты возьмешься за это? Да он помрет на столе, или максимум в первые сутки после вмешательства, — запальчиво пытается вразумить меня Янковский. Хмуро гляжу на Олега, размышляя, как его выдворить вон.

Моя операция — мой успех. Собственно как и поражение.

— Займись своими делами! Не лезь в это и не благодари, — я упрямо стою на своем. Чувствую, как начинаю злиться. Дело действительно сложное. Но я каждый раз раздражаюсь, когда сомневаются в моем профессионализме.

Я на самом деле не хочу никого вовлекать. А проснувшийся азарт не дает так легко отказаться от столь необычного дела. На первый взгляд — провальное положение дел, но только на первый. Я не спала ночь, пока в голове не созрела схема, как нужно действовать. Снимки пациента мне отправили неделю назад, вчера прибыл и сам больной. Мужчина тридцати лет. Сын очень влиятельного и состоятельного владельца нашего Космопорта. Обо всех опасностях и рисках он и его отец предупреждены. Они рассчитывают использовать любой шанс, пусть и самый мизерный. Тупое ожидание этот шанс обнулит в ближайшее время.

Обратились они, естественно, ко мне. Как и большинство с подобными случаями.

— Я могу не стараться дальше? Тебя не переубедить? Не будешь слушать аргументы против? — Олег выжидающе смотрит на меня.

Достал.

— Я бы не стала тратить обоюдные силы, — киваю, уперев руки в бока.

— Супер, сестренка! Тогда я буду с тобой! Тебе нужна помощь, твоя Стерн молится на тебя, но на операции пригодится как минимум еще один док на подхвате с золотыми руками, — и он мельтешит кистями рук у меня перед лицом. — Твоему ассистенту для этого не хватает практики, — вновь задумчиво зыркает на голограмму.

Закусив губу, обдумываю его слова. В них есть смысл. Операция будет сложной и длительной. Янковский не ас в нейрохирургии, но подстраховать сможет. Вместе мы провели не одну операцию, когда не хватало хирургов в Нейро.

— Ну давай, же решайся! Возьми меня, Морайя! Буду смотреть, но вдруг пригожусь, — в нетерпении подпрыгиваете Олег, и складывает руки в молитвенном жесте.

Смеюсь и, следуя голосу разума, соглашаюсь. Так будет действительно легче и спокойнее работать.

Шеф убьет меня, когда узнает. Но, надеюсь, к тому времени уже все будет позади.

***

Негодующе смотрю на мужчину перед собой, откинувшись на спинку дьявольски неудобного кресла, скрестив руки на груди закидываю одну ногу на другую.

Во-первых, меня раздражает само кресло. Неудобное до невозможности. Оно изо всех сил стимулировало желание побыстрее свалить. Еще бы! У Правления внушительный список подчиненных, которых жизненно необходимо поставить на путь истинный, и как можно скорее.

Во-вторых, при моем плотном графике, проводить три часа в неделю у мозгоправа — кощунство. В то время, пока список невыполненных дел растет, я отсиживаю зад в этом унылом кабинете.

А в-третьих, жутко раздражает сам мужчина, с идеальной бородкой, идеально прилизанной прической и в идеально выглаженном костюме. Меня же просто потряхивает изнутри от потребности попасть в душ после смены и переодеться в чистую одежду. Хорошо хоть зубы успела почистить.

Поморщившись, снова бросаю взгляд на часы над дверью. Здесь даже часы идеально вписываются в интерьер.

— Морайя, — плавно произносит доктор Грант. — Может, все же поговорим?

— Доктор Горслей, доктор Грант, — устало поправляю я. — Боюсь, сегодня не настроена беседовать. Что мы будем с этим делать? — скептично поднимаю правую бровь.

— Может, выпьем чаю? — ничуть не смутившись предлагает доктор. — Для начала.

— Может, вы отметите, что я прошла очередной час терапии, и мы расстанемся? — без особой надежды спрашиваю я.

— Когда выпьем чаю, доктор Горслей.

Понимаю, что никуда не деться от этого прилизанного мудака. Киваю, соглашаясь. Хотя надо признать, чай выпила бы с удовольствием.

— Вы же понимаете, что если не захотите сотрудничать, так и будете посещать мой кабинет по расписанию. Пока мистеру Зольцбергу не надоест ваше упрямство и он не отстранит вас. Вначале от операционной, а потом и вовсе от больных.

— Вы мне угрожаете, доктор Грант? — сухо интересуюсь я.

На удивление в ответ получаю сочувствующий взгляд.

— Нет, Морайя, к сожалению, я знаю, что произойдет, — мужчина задумчиво трет лицо, и я понимаю, что он устал не меньше моего. — Больница и пациенты потеряют талантливого врача, а вы — любимую работу. И сомневаюсь, что с отличными рекомендациями. Несмотря на весь ваш послужной список, вряд ли какой-нибудь приличный госпиталь возьмет вас на работу.

— Думаете, я боюсь этого? Работать в этом гадюшнике или аналогичном — далеко не сахар. Да, я получаю редкие и непростые случаи, у меня отличная команда. Но очень много этих «но».

— А чего ты боишься, Морайя? — упрямый доктор продолжает настойчиво нарушать границы, которые я возвожу между нами.

— Умереть неизвестным докторишкой на мелкой позабытой планете, — задумчиво произношу неожиданно для себя. Так, пора завязывать с этими откровениями. Ни к чему Гранту знать о моих слабостях.

Под мерный тик часов медленно пью чай, делая вид, что нахожусь в этой комнате одна. Доктор Грант не дурак. Он понял, что это все его достижения на сегодня. Доктор отходит к окну, давая мне пространство и небольшую видимость одиночества. Надави он сильнее, и весь прогресс сойдет на нет. Это мы оба понимаем.

— Ну что же, — допив чай, с легким стуком ставлю пустую чашку на столик. — Благодарю за вкусный чай, доктор Грант! Не могу сказать, что рада была встрече, но все же вынуждена попрощаться.

Сегодня доктор Грант меня снова удивляет и, смеясь, тепло прощается со мной. Еще бы! Я допустила ошибку и как дурочка поддалась. Решаю не ругать себя и, списав все на сегодняшний тяжелый день, отправляюсь в свои апартаменты. И кто придумал впихнуть терапию сразу после суточного дежурства?

Скоро я окажусь дома, там за дверьми наконец-то останусь одна и смогу отдохнуть от людей.

Хотя бы до завтрашнего утра.

***

Надежда быстрее оказаться в одиночестве рухнула. Дойдя до своего комплекса, у входа на лавочке под деревом, обнаруживаю Шефа. Поборов сиюсекундное желание спрятаться за углом, подхожу.

— Доброе, Шеф, — приветствую его. Несмотря на некоторые разногласия между нами, я очень уважаю своего начальника. Он хороший человек. Где-то излишне консервативен и осторожен. Но под его руководством «Звездный» работает как часы. Шефу скоро на пенсию, и всем известно, что я один из первых кандидатов на его место.

Если умерю свой пыл.

— Ты ведь знаешь, зачем я здесь, Морайя, — он смотрит на меня так, что я чувствую себя нашкодившим ребенком.

— Он же выжил, — пожимаю плечами я. — А без меня быть ему трупом в ближайшем будущем. Я ни о чем не жалею. И поступила бы точно так же, # заранее озвучиваю свое мнение.

Шеф досадливо смотрит.

Нет, так просто я не сдамся.

— И прошу простить меня, Шеф, я очень устала, — киваю в сторону двери.

— Я не могу тебя прикрывать вечно, Рай. Умри этот молодой человек на твоем столе, и твоей медицинской карьере конец. Полный. И моей. Я могу только догадываться о последствиях гнева и горя отца твоего пациента. Ты же в курсе, кто он? Пожалуйста, будь разумной. Отдыхай. Завтра увидимся в моем кабинете.

И Шеф понуро поплелся в сторону парковки. Ему давно пора жить спокойной жизнью, нянчить внуков, а не взбалмошных докторов вроде меня.

Надо ли говорить, что радость победы потускнела в этот момент? Испытываю грызущее чувство вины.

Махнув на все рукой, иду к себе. Тем более на улице снова начался дождь, такой привычный для этой серой планеты.

Глава 6. Во тьме

Сорвалась…

Не пойму, как это произошло. Одно мгновение — тороплюсь вернуться с полным рюкзаком вожделенной добычи. И следующее — лечу в пропасть. В отчаянии цепляясь за шершавые стены и острые выступы, ломая ногти, вскрикиваю, забыв, как важно молчать. И бесформенной тушей приземляюсь в неизвестном месте.

Как же больно!

Скрипя и свистя грудной клеткой, панически делаю короткие вдохи и надеюсь, что ребра целы, и совсем слабо надеюсь, что осталась не услышана проклятыми подземными червями.

По всей вероятности, я ошиблась. Свернула не там, где надо. И в итоге умру не только я, но и маленький мальчик, так нуждающийся в антибиотиках. Слишком обрадовалась успеху, потеряла бдительность и расслабилась. До того, как вернулась хотя бы наверх.

Мало достать добычу, ее нужно донести до поселка. Мне немного проще, уголовники прекрасно понимают, что в следующий раз сами могут стать кандидатами на медицинскую помощь, и отец Тима не последний человек в поселке. Но все же несколько раз у меня отбирали еду и воду. Спасибо, что не покалечили и не убили. Разное бывает в этих местах.

Неслась обратно по мрачным тоннелям, боясь не успеть, переживая, что погаснет фонарь, уже почти потухший. Запасных батарей, как и другого фонаря не нашлось. А еще представляла, как поднявшись, буду наслаждаться каждой ложкой говядины с гречкой из найденных мною консервов. И до своего грота не стала бы ждать.

Злюсь. На себя в первую очередь. На остальные обстоятельства за эти три года, длившихся вечность, гневаться устала. Какой в этом смысл? Себя ругать тоже бесполезно, но так сложно совладать с эмоциями. В мыслях я уже была в поселении.

Скоро шок пройдет, и мне самой понадобится обезболивающее из рюкзака. Противный хруст в момент удара, острая боль и неестественно вывернутая в запястье и локте правая рука, не оставляет мне никаких надежд. Возможно, есть еще повреждения. Лежа на правом боку, стараюсь выровнять дыхание и не дать ужасу захватить разум.

Силюсь снять рюкзак, но он очень плотно притянут. Ничего не выходит. Каждое движение мучительно и рождает хриплые стоны в моей груди. На руку стараюсь не смотреть лишний раз. Боюсь отключиться. Радует, что кости не торчат наружу. Это можно назвать везением?

Не знаю, сколько времени прошло, но мне с большим трудом удается расстегнуть упрямые застежки левой рукой, лямки расходятся, и рюкзак падает с плеч. Сразу становится легче. Перекатываю здоровой рукой его к животу. Хорошо обезболивающее в уже готовых шприцах. Зубами сдергиваю колпачок и вкалываю в ногу полную дозу. Под действием сильного лекарства и стресса забываюсь на непродолжительное время.

Забытье не дает сил, наоборот, просыпаюсь от своего кашля. То ли пыли наглоталась, то ли травмы дают о себе знать. Не могу даже сесть, не то что идти. Тем более совсем не понимаю, где нахожусь и как глубоко провалилась. Соответственно, понятия не имею, куда нужно двигаться.

Меня кроет страхом и отчаяньем. Что, Рай, исчерпала ты свои возможности в преодолении препятствий…

Я так устала от постоянной борьбы за свою жизнь. Горько усмехаюсь. И стараюсь громко не скулить от нарастающей боли.

Лучше умереть до того, как сюда явятся черви. Все настойчивее крутится мысль в голове, можно вколоть критическую дозу обезбола, тогда я не почувствую, как меня рвут на части. Вновь содрогаюсь от ужаса и брезгливости.

Несмотря на многое, понимаю, что у меня когда-то была неплохая жизнь.

***

— Не шевелис-с-сь.

Будто бы я могу!

Из состояния жалости к себе и прощания с жизнью меня выводит низкий мужской голос.

Я и удивиться не в состоянии в данный момент. Не то чтобы шевелиться.

Начнем с того, что я ни черта не вижу, фонарь все-таки погас. Глаза, нос и глотка забиты пылью. А мне так хочется набрать воздуха полные легкие. Но пока получается делать только мелкие вдохи через режущую боль. Ощущение, что органы дыхания от диафрагмы и доверху наполнены этой планетой.

Ненавижу!

Мои дела плохи, если я не откашляюсь. Про идущие вслед проблемы стараюсь не думать. Выбраться бы.

А вдруг у меня снова появился шанс? Боюсь обнадеживаться.

К сгибу левой руки прикасается что-то прохладное, серия легких уколов и сразу становится легче. Боль отступает и проясняется голова. Правая рука, спустя пару минут, оказывается в странном коконе и удобно размещается у меня на груди.

— Пей! — раздается короткая команда.

Пей?! Да этот гад издевается!

Неожиданно мое лицо, заливает приятной прохладной водой, попадая в глаза и нос. Вода! Много! Вкусная! С трудом разлепив губы, жадно глотаю живительную влагу. Закашливаюсь, но не могу остановиться и продолжаю пить.

— Тебе хватит! Остановись! — опять приказывает обладатель приятного голоса. Да, красивый голос, но все равно бесячий.

«Знал бы ты, как меня достал!» — возмущенно восклицаю про себя.

Но в ответ могу выдавить лишь протестующий стон.

— Молчи! Сначала целитель — потом разговоры.

Спасибо за воду, но почему этот тип все время командует?! От раздражения скриплю песком на зубах.

Мужик, я не знаю кто ты, но доктор на этой планете один. И он перед тобой.

— Нам пора, и так тут задержались, — заявляет этот любитель поболтать, и я чувствую движение вверх.

Похоже, без особых усилий меня взяли на руки и плавно понесли вперед.

— Рю…кзак, — с огромным трудом шелестю, выдавливая звуки сквозь неработающие связки. — Лекарства, мальчик.

Тратя последние силы, делаю новую попытку. Здоровой рукой вцепляюсь в одежду того, кто меня несет.

— Колония поселенцев… мальчика спаси!

— Взял, помогу, — звучит утешающий ответ, и я позволяю себе расслабиться, смежив горящие веки.

В голове зреет вопрос: как в этой кромешной тьме этот человек перемещается так быстро и бесшумно?

Не успеваю как следует передохнуть и порадоваться возможному спасению, до моих ушей доносятся звуки, от которых все замирает внутри. Меня бросает в холодный пот. Я ничего не вижу, но этот сдавленно-шипящий свист ни с чем не спутаешь.

Черви.

— Ничего не бойся, — уверенно заявляет невидимый обладатель приятного рокота. — Извини, так будет лучше. Замри, — и судя по ощущениям напяливает мне на голову какой-то тканевый мешок. После аккуратно опускает меня на землю.

От свиста приближающихся червей, сводит нутро. Сильно сжатые челюсти накрываю сверху кистью и прижимаю ткань, лишь бы не заорать от ужаса. Я на этой планете, наверное, всю эмаль с зубов стерла. Несмотря на захлестывающее желание бежать куда глаза глядят, намереваюсь довериться моему спасителю. А если учитывать мое состояние, кромешную тьму и невозможность от них убежать, другого выбора и нет.

Лежу и стараюсь почти не дышать. Замерев, прислушиваюсь к происходящему.

Барабанные перепонки фиксируют тонкий звон доставаемого холодного оружия, смех и слова, задорно брошенные на абсолютно незнакомом мне языке.

Этот мужик, без сомнения, псих!

Чудо, если нас не сожрут обоих.

Дальше звуки сливаются в хаос. Свист червей, оружия, непонятный шум. Пока я окончательно не перестаю понимать, что происходит.

Громко раздается команда:

— Закрой глаза! — и даже сквозь ткань и быстро сомкнутые веки, вижу ослепительную вспышку, от чего закрываю глаза еще и рукой. Все резко затихает, только стоящий звон в ушах напоминает о недавнем сражении.

Сильно мутит. Судорожно пытаюсь сдернуть с головы ткань, и едва это сделав, меня выворачивает. Стараюсь не думать о том, как выгляжу. Сейчас этот тип пожалеет, что связался со мной. У него в отличие от меня нет проблем с ночным видением. Возможно, это специальные контактные линзы или очки. Да, и эти звуки никуда не спрячешь.

Слышу успокаивающий голос, теперь уже на всеобщем языке Коалиции:

— Уже все позади. Ты молодец! Скоро все закончится.

Меня аккуратно умывают и снова дают напиться. Становится легче, но от пережитого накатывает сильная слабость. Непроглядная тьма вовсе не улучшает мое состояние.

И когда меня вновь берут на руки, я проваливаюсь в спасительный сон.

Глава 7. Воскрешение

В который раз мне снится море. Лежу на поверхности, раскинув в стороны руки, лениво прикрыв глаза от солнца. Оно в отличие от Белого адского светила не сжигает дотла, а ласково греет. Мягкие волны качают мое изможденное тело, не причиняя вреда. Ощущаю, как наполняюсь влагой. Возможно, это Земля?

Лишь однажды мне довелось побывать на море. Еще во время учебы в Академии, перед вручением диплома, нам дали свободные сутки. К родителям я не успевала, вот и решила провести день с выпускниками своего цикла. Море оставило неизгладимые впечатления в моей душе. А также поселило жажду: видеть и чувствовать его вновь, дышать им и просто находиться рядом.

Тот день так и остался единственным.

Доносящиеся с определенным интервалом звуки упорно мешают наслаждаться морем. Очевидно, я подсознательно не хочу просыпаться. Последние годы пробуждение не приносило мне ничего хорошего. С чего вдруг сегодня будет иначе? Противный равномерный писк прорывается сквозь шум волн. Снова и снова. Заткнись же!

Сновидение медленно отступает, но окончательно открыть глаза не могу, да и не испытываю такого желания. Непонятное состояние между сном и явью устраивает меня куда больше.

Как будто сквозь толщу воды слышу тихую речь.

— Сильное истощение, обезвоживание, опасное состояние для человека.

Ясно же — на собаку я не похожа.

— Правая рука сильно пострадала. Знаю, делаю все возможное, Шан.

На последних словах чувствую остро подступающую к горлу тошноту. Вспоминаю падение, мерзкий хруст и острую боль, туманящую сознание. Заставляю себя сосредоточиться и узнать больше.

Сколько раз эти слова слышали мои пациенты и их родные?

«Делаем все возможное…»

Знаю, сейчас речь обо мне.

А с этим, оказывается, не так просто справиться. Когда пациент — ты сам.

Во рту растекается едкая горечь и противно оседает на языке. Отныне я хирург с покалеченной правой рукой. К сожалению, прекрасно помню, как выглядела рука после падения. Никакая терапия и протезирование этого не исправят.

Получается, я бывший хирург?

Писк приборов участился, выдавая изменившийся сердечный ритм. Глупо притворяться дальше.

Стараюсь дышать глубоко, чтобы прогнать тошноту и отчаяние. Я жива, это главное. Но как быть, если хирургия — моя жизнь, а другой мне и не надо?

Усилием возвращаю свое внимание к говорящему.

Следом мелькает воспоминание о бедном мальчике, которому так и не смогла помочь. И загадочном мужчине, сумевшем вытащить меня из штольни.

С трудом разлепляю глаза.

И испытываю настоящее изумление.

Над прозрачной капсулой, где я прохлаждаюсь, склонился странный субъект.

Я бы некрасиво возмутилась, но, похоже, тут отличные препараты. Не могу пошевелиться и сдвинуть тело ни на сантиметр. Как и открыть рот.

Первое, на что обращаю внимание — странные, нечеловеческие глаза. Необычная ярко-зеленая с желтыми вкраплениями радужка во все глазное яблоко и вертикально-вытянутый по-змеиному зрачок. У него линзы? Бледная кожа с зеленоватым оттенком. Темно-синие длинные

волосы витиевато заплетены и спускаются по плечам. Не сказать, что люблю длинные волосы у мужчин, но этому экземпляру они удивительно идут. Неприлично продолжаю пялиться, разглядывая красивый образец с диковинной внешностью. Интересно, что же это за клиника, где врачу разрешено так выглядеть?

Веду глазами по сторонам и пытаюсь найти второго собеседника, чтобы посмотреть, как выглядит тот самый Шан. Так же, как бредовый доктор?

— Мы остались одни. И ты в порядке, — добродушно дает знать он, проследив за моим взглядом. — Почти, — уточняет следом.

Одна моя бровь от недоверия вздергивается вверх, я хрипло, неровно смеюсь. Похоже, оцепенение покидает тело. Хорошо. Неприятно лежать отмороженной. Части тела отходят от иммобилизации не симметрично, но меня не волнует сей факт.

«Почти» — важное уточнение. Вздыхаю и устало прикрываю глаза в надежде, что галлюцинация не будет сильно навязчивой. Но нет!

— Постепенно подвижность полностью вернется, примерно в течение часа. Пришлось обездвижить тебя, для твоей же безопасности и лучшего восстановления, — продолжает доктор-фрик.

Вслушиваюсь в плавную речь и пытаюсь вспомнить голос другого мужчины, вытащившего меня из-под земли. Нет — не он.

В следующий миг, снова открыв глаза, чуть не ору. Глядя, как доктор пружинисто скользит от капсулы на мускулистом сине-зеленом хвосте. Писк приборов зашкаливает, отражая бешеный стук моего бедного сердца.

Тебе конец, Рай.

Мозг ту-ту. Навсегда отъехал в отпуск.

Какая ирония! Спятивший нейрохирург.

А если это не бред? И голова в порядке. Вспоминаю исследования «Фрэнсис Дрейка». Не совсем ясные находки. И те самые слова Джонатана перед смертью.

И тут же куча вопросов возникает в голове.

Где я нахожусь? Смогу ли вернуться домой? Останусь ли жива после этого? Для чего меня спасли?

— Мое имя Зейрашш Рам, я твой целитель, — вернувшись к капсуле, тип шипяще представляется, внимательно наблюдая за мной.

Какая внешность, такое и имя.

— А ты неплохо держишься, — замечает нелюдь, отслеживая приборы и вносит данные в тонкий гибкий планшет.

Ну да, конечно. Я же в капсуле, убежать не могу.

— Док, — запинаюсь я, — Морайя. Мое имя Морайя, — подсказываю ему.

— Ты была сильно истощена, Морайя. При этом длительное время подвергалась усиленному излучению солнца. Руке потребуется больше времени на восстановление и терапия. С остальным мы справились. Несколько дней и ты будешь как новая, — невозмутимо продолжает Зейрашш.

Как новая! Мне и старой было хорошо!

— Знаешь, Зейрашш, моя старая шкура меня устраивала. Не привыкла менять, — сдуру выпаливаю, а стоило бы придержать язык.

На мои слова хвостатый док хищно усмехается, обнажив клыки, явно крупнее человеческих. — А ты забавная, маленькая землянка.

— Где я? — пытаюсь выяснить хотя бы приблизительно. Целитель все это время пристально изучает меня. Как и я его.

— Сейчас ты в звездолете. А в целом у вас на Земле наш мир видится, как Кольца Змеи в Созвездии Кита, — скудно делится Зейрашш.

Это все? Ладно, узнаю остальное позже.

Выходит, мы с Джонатаном и Ирвином двигались в правильную сторону в своих изысканиях.

— Морайя, твой разум в порядке. Пройдет время, и ты ко всему адаптируешься, — озвучивает целитель, словно читая мысли. — У нас живет довольно много землян, попавших к нам при разных обстоятельствах. Но, чтобы ты понимала, никому из вас не позволено вернуться. Остальное потом. Ты еще слишком слаба. Пришло время вновь погрузить тебя в целебный сон и продолжить терапию. — Гадский целитель быстро нажимает серию клавиш на панели капсулы.

— Но! — пытаюсь возмутиться, снова погружаясь в небытие.

Что за отвратительная забава отправлять в сон против моей воли?

Глава 8. Фрэнсис Дрейк

Четырьмя годами ранее

Не знаю, кто дал это имя кораблю, но оно ему удивительно шло.

И не знаю, зачем понадобился нейрохирург на судне такого типа. Да и какая теперь разница?

Зато я знаю, все изменения к лучшему, и уже не важно, что начались они не по моей инициативе.

У меня было время смириться со своей будущей новой жизнью. Правда, я до сих пор сомневаюсь, что его было достаточно. Ничего. Займусь принятием перемен прямо на корабле, выполняя свою новую работу.

Возможно, сейчас я испытываю чувство, близкое к предвкушению. Как когда-то давно, получив долгожданную операцию в гонке стажеров.

Но сначала мне было больно. Горы мороженого, дешевые сериальчики до утра, днями незаправленная постель. Я разрешила себе плакать и спать сколько влезет. Не помню, чтобы я когда-нибудь так отрывалась. Мало бы кто меня узнал тогда, окажись у меня в апартаментах. Всегда холодная и собранная Морайя Горслей в мятой пижаме, с гнездом на голове и воспаленными красными глазами. После самой длинной и сложной операции я выглядела куда лучше. Но мне было абсолютно насрать. У меня давно не было отпуска.

Мозгоправа, что приписало мне Правление, с удовольствием послала. Пусть больше и не испытывала неприязни к доктору Гранту, продолжать терапию по принуждению не было никакого смысла.

Узнав, что на фрегате мне предоставят целую каюту, не стала стесняться и взяла побольше вещей. Я люблю комфорт и уют. На этом корабле мне предстоит провести минимум пять лет или больше, если захочу продлить контракт. Чем не повод окружить себя любимыми вещами? Тем более пришлось съехать из апартаментов. Часть коробок оставила у Орфена на временное хранение, а вот книги, пособия и кристаллы с операциями отправила родителям, на Первую орбитальную.

Привет, новая жизнь.

***

В своей каюте раскладываю на кровати стандартный для научно-исследовательского судна бело-голубой комбинезон медперсонала, и задумчиво разглядываю его. За много лет кожей срослась со своей синей формой хирурга.

Ну ничего, привыкну и к этому тоже.

Приняв тонизирующий душ, не торопясь, одеваюсь. Сегодня первый рабочий день на «Фрэнсис Дрейке», а без формы я могу выходить только в досуговые дни.

Оказывается новая одежда мне к лицу. Отлично сочетается с моими серо-зелеными глазами и светлыми волосами. Так как мерки прислала накануне, то комбинезон прилично садится на мой немаленький рост, выигрышно подчеркивая сухощавую фигуру.

Чистые волосы собираю в хвост на затылке, открывая скулы и высокий лоб, не люблю, когда что-то лезет в глаза и мешает работе.

Через полчаса меня ждет встреча с моим непосредственным начальником Ирвином Китингом, заместителем капитана.

Провожу оставшееся свободное время, развешивая вещи в небольшой шкаф, это успокаивает.

К назначенному часу поднимаюсь со своего третьего уровня на капитанский мостик.

Непроизвольно от удивления открываю рот и громко восклицаю:

— Мистер Верховски?!

— Морайя, называйте меня, Джонатан, — просит он, расплываясь в широкой улыбке.

Ну что же. Сюрприз, объясняющий мое нахождение на этом судне. Передо мной стоит бывший пациент.

***

— Может, все же, Капитан Верховски? — не сдаюсь, в попытках сохранить дистанцию между нами.

— После того как вы рылись в моем черепе? И вытащили с того света? А ведь вы и отблагодарить не дали себя! — не унимается Джонатан.

— Мне хорошо платили за работу, капитан, — чеканю я.

— Да, я знал, что это будет очень непросто, — громко вздыхает упорный Джонатан.

Тут мне нечего добавить. Я давно выстроила правила и следую им. Держи пациентов на расстоянии вытянутой руки — главное из них.

Всегда соблюдаю субординацию и держу оборону. Стоит дать слабину, и будешь вытирать слезы до утра и обниматься с бесчисленной родней, спасенных пациентов. Уж чего терпеть не могу, когда ко мне лезут с руками. Спорим, я рекордсмен в навыках ускользания от тесных контактов?

Раздается писк, и через открывшиеся двери показывается мой непосредственный начальник.

— Морайя Горслей! Как добрались? — мужчина протягивает широкую ладонь для рукопожатия.

Крепко пожимаю теплую руку:

— Ирвин, спасибо, без каких-либо сложностей.

С начальством мне повезло. Оба умные, дружелюбные и вызывают у меня искреннюю симпатию. Я так устала от интриг и гонки внутри «Звездного». Поэтому хочу просто делать свое дело. Возможно, узнаю, как это работать в нормальном коллективе.

Джонатан жестом приглашает нас к столу. Мы рассаживаемся: я с одной стороны, а мужчины напротив.

— Морайя, вы попали к нам при весьма необычных обстоятельствах. Вас сюда назначили по моей просьбе. Вы не искали это место, и тем более не выясняли наши требования и условия. Предлагаю сейчас обсудить основное, а вы зададите вопросы. Детальную информацию вышлем на планшет, — Джонатан передает рабочий планшет для ознакомления. Передо мной лежит блокнот с электронной бумагой и ручка, люблю все записывать, эту привычку я переняла от деда.

— Меня же просто отправили куда подальше, чтобы не возмущалась и глаза не мозолила, — горько усмехаюсь я. Джонатан и Ирвин согласно кивают, — была бы возможность, просто выгнали бы на улицу.

— Как вы знаете, «Фрэнсис Дрейк» — научно-исследовательское судно первого класса. Для многих мы горстка ученых, что слоняются по космосу и проводят скучные исследования. Мы как один из самых финансируемых Научно-исследовательских компаний, на одной из баз Коалиции, но в космосе. Прихоть Правления для поддержания статуса, и выпячивания достатка, — начинает Джонатан.

— Это небольшой кусочек правды, — Ирвин смотрит мне в глаза. — В Правлении значительный раскол. Генерал Занкок Ца и мистер Зольцберг соревнуются в достижении своих целей. Но мы не лезем туда. У нас корабль ученых, искренне любящих свое дело. Правда,

Джонатану приходится периодически отстаивать наше нежелание вовлекаться во всю эту грязь. Тем не менее мы обязаны согласовывать наши планы и предоставлять Совету Правления все идеи, расчеты и находки. И, в частности, этим двоим. Без них никуда «Фрэнсис Дрейк» не полетит. Порой приходится согласовывать и такие мелочи, как анализы, — кривится он. — Все зависит от обострения паранойи.

— Наша работа засекречена, как вы смогли убедиться по документам. Стоит заговорить обо всем на стороне, и человек просто исчезнет без следа, — твердо поясняет Джонатан.

— Над чем вы работаете сейчас? — хочу выяснить я. Мне становится не по себе, без интриг Правления и здесь не обошлось.

— К нам попали очень интересные детали, похожие на запчасти пересадочного шаттла или модуля. Только вот ни в одном каталоге пристыковочного оборудования не нашлось такой конструкции, — продолжает Ирвин.

— Не могли эти детали изготовить на одной из мелких баз? Или полудиких планет? Там богато с местными умельцами, — задумчиво вожу ручкой в блокноте.

— Морайя, дело в том, что они в принципе не подходят под наши корабли. Ни по форме, ни по механизму стыковки. Да и анализатор показывает необычную обработку металла. Это еще можно списать на аутентичность. Но в совокупности вызывает очень много вопросов, — уточняет Джонатан.

Я замираю.

— Так как же Правление утвердило меня на это место? — прекрасно понимаю, что человек с улицы не может сюда попасть.

— У меня нашлись методы убеждения, — с незнакомой мне жесткой ухмылкой произносит капитан.

***

Пора расходиться по рабочим местам. Мне есть много о чем подумать.

Уже завтра мы отправляемся в сторону Созвездия Кита, до звезды Денеб и дальше. Неизведанная и странная часть космоса. Я почти ничего о ней не знаю, кроме того, что оттуда никто не вернулся. Кажется.

Ирвин поднимается, и я вслед за ним.

Уходя, оборачиваюсь на Джонатана.

— Капитан Верховски, почему вы взяли меня? Я не военная, не исследователь, вам бы лучше подошел врач общей практики, — эти вопросы мучают меня с момента назначения на фрегат.

— Морайя, кто откажется получить отличного специалиста на свой корабль? — Джонатан широко улыбается. — Вы очень талантливый доктор, и потом, — улыбка гаснет на его лице, и взгляд становится серьезным, — мне кажется, вам это было очень нужно.

— Спасибо, — сдавленно шепчу, внезапно севшим голосом. И в смятении удаляюсь с капитанского мостика, вслед за Ирвином. Почему-то меня не покидает мысль, что меня взяли на корабль не только из-за хирургических талантов…

Глава 9. Будь сильной

Следующее пробуждение дается легче. Понятия не имею сколько часов прошло, но я в относительной норме. И готова добыть у хвостатого нелюдя хоть какие-то сведения. Аж ладони зудят от нетерпения. И я умею быть настойчивой.

С удивлением отмечаю, что нахожусь в не сухой медицинской капсуле, наверное, поэтому мне снилось море перед прошлым пробуждением. Тело погружено в странный прозрачный раствор, на ощупь немного похожий на желе. Растираю его между пальцами, принюхиваюсь. Немного отдает мятой и неизвестными медикаментами.

Поднимаю правую руку, тщательно исследую места переломов, сжимаю несколько раз пальцы и верчу запястьем. Остается небольшое онемение и слабость при сжатии, но в остальном рука мобильна. С огромным облегчением смеюсь. Я и не надеялась на такой исход. С души как камень упал.

В капсуле лежу голышом, в этом ничего удивительного, но все равно чрезвычайно некомфортно. Пока лежала в отключке, мое тощее тело раздели и поместили сюда. Но желания возмущаться нет, уж очень веские причины были основательно заняться моей тушкой. С грустью оглядываю выпирающие кости, я всегда с трудом набирала вес, теперь же без помощи питательных коктейлей вовсе не обойтись. Трогаю лицо и волосы. Как такое возможно? Они были высушены и сожжены Преисподней. Но сейчас касаюсь гладкой обновленной кожи и мягких волос.

У людей тоже имеются регенерационные капсулы, но на работе я пользовалась чем-то сильно урезанным по функционалу в сравнении с местными возможностями. Не отказалась бы заполучить оборудование, аналогичное здешнему.

Пока меня снова не вырубили, пытаюсь изучить все вокруг.

Медицинский отсек огромен. Я вижу прозрачные и затемненные перегородки, разделяющие его на сектора. В проходах между перегородками проглядывают капсулы, среди них есть работающие, с пациентами внутри. Некоторые капсулы значительно крупнее моей. Если судить по доктору, размер у этих созданий немаленький. Они куда больше людей.

Большая часть отсека утопает в темноте. Надо мной и некоторыми другими капсулами распространяется очень деликатное освещение. Все хорошо видно, и не ослепляет глаза. Отмечаю слева от меня следящие мониторы. Не все на них мне понятно. Пытаюсь считать показатели и обозначения.

— Скоро можно будет выпустить тебя, Морайя, — я так увлеклась разглядыванием, что на заметила местного целителя. Поэтому сильно вздрагиваю и слышу, как зачастил монитор. Уф, как раздражает! Стиснув зубы, с трудом подавляю в себе желание стукнуть дока по его красивой зеленой голове. Нечего подкрадываться к пациентам.

— Прошу прощения, я напугал тебя. Готов пока ответить на некоторые вопросы. Но не на все, — сразу обозначает границы Зейрашш, — на часть ответит только Шанриасс. Шан Хан — командор этого звездолета. И тот, кто вытащил тебя с Красной планеты, — добавляет спустя несколько секунд.

Киваю, соглашаясь. Любая информация во благо.

Решаю не тянуть. Начинаю с главного вопроса, с того, что преследует с первой минуты, как я очнулась здесь:

— Кто вы, Зейрашш?

***

Уже несколько дней нахожусь в лечебной части медицинского блока. Здесь гораздо спокойнее. И что немаловажно — больше не лежу раздетая на всеобщее обозрение. Одно это ввергало меня в дополнительный стресс.

Мне выдали мягкую тунику и прямые штаны оливкового цвета. Без застежек и замков. Простого, но удобного кроя и тканью, напоминающей натуральный хлопок. Не знаю, как у них, а у нас одежда из натурального хлопка ценится.

Интенсивная терапия и постоянный присмотр мне больше не требуются.

Так думает Зейрашш, а я делаю все, чтобы он продолжал и дальше так думать.

Моя хваленая выдержка закончилась. Там в капсуле на фоне седативных средств, я довольно спокойно восприняла шокирующую информацию. Теперь же меня регулярно навещает паника. До сих пор везло, и осмотры проходили в моем спокойном состоянии, но если не справлюсь, кто знает, как поступят с неуравновешенной особью.

Несмотря на бережное и внимательное отношение, здесь я не доверяю никому, включая своего доктора. Глупо доверять только потому, что тебя спасли и вылечили.

Командора так и не видела. Виной тому вечная занятость, а может быть, отсутствие желания вообще тратить на меня время.

Да ладно, какая тебе разница, Рай. Просто, думается, было бы вежливо поблагодарить командора за вызволение со Сто семнадцатой. Понятия не имею о целях его нахождения там, но главное, он не бросил меня. А ведь запросто мог.

Меня снова накрывает душная лавина ужаса. Так, что немеют руки и сложно дышать. Небезосновательно полагаю, если Зейрашш поймет мое состояние, то мне снова грозят успокоительные либо вещества посерьезнее. Не знаком мне арсенал местных эскулапов.

Дыши, Рай, дыши! Ты умная и найдешь способ выбраться отсюда…

Ага, в открытый космос.

Понятно, что пока надо затаиться. Соглашаться на их правила и параллельно собирать информацию. А потом, возможно, и подходящий момент подвернется.

Рассеянно перебираю выкладки на громоздком больничном планшете.

На мой вопрос, кто они, Зейрашш выразительно фыркнул. Он думал, я про что буду спрашивать? В итоге извлек меня из капсулы, и отправил в душ с водой. В космосе… Выдал одежду и перевел сюда, сунув планшет в руки.

К моему удивлению, все сведения оказались на коалиционном всеобщем языке. Это, безусловно, крохи, но и их оказалось в достатке для понимания, как я встряла.

Наагшайрасы — высокоразвитая династическая цивилизация. Столица-планета — Патала, родина шайрасов. Вроде Земли для людей, но почти в два раза больше. Много воды и растительности, богатый животный мир.

С огромным интересом изучаю строение шайрасов. Человеческий торс в районе тазовых костей переходит в хвост. Мускулистый и подвижный, покрытый матовыми чешуйками, способный быстро и бесшумно перемещать хозяина по поверхности или в воде. Половые органы спрятаны за паховыми пластинами. Внутренние органы без сюрпризов, расположение и строение как у людей. Разве что присутствуют ядовитые железы.

Сильны, обладают прекрасным здоровьем, хитры и очень ядовиты. Высокотехнологичная медицина очень специфична и направлена в основном на излечение от травм и нейтрализацию ядов.

Поединки с холодным оружием, опасные виды спорта и далее по списку. Маньяки бесстрашные. Вот кто они.

Срок жизни на треть больше нашего, в среднем лет на пятьдесят-семьдесят. Разочарованно хмыкаю, оказывается, это издержки быстрого метаболизма. Вроде бы болезней нет, но к двумстам годам организм старится и умирает.

И самое поразительное — шайрасы способны к трансформации хвоста в ноги.

На этом моменте тру глаза! Нет. Мне не кажется. Я это читаю.

«Болезненный процесс, длящийся в среднем двадцать четыре часа. Требует восстановления».

Сложно и больно, я поняла. Но зато какие возможности предоставляются.

Нестандартной внешностью никого не удивишь. Человечество имеет довольно разнообразный облик. Глаза можно спрятать за очками или сослаться на контактные линзы.

Стало понятно, как они посещают Земную Коалицию, оставаясь незамеченными.

Интересная картина вырисовывается: о нас знают много, а я только недавно, работая на исследовательском фрегате, стала подозревать, о возможном существовании другой расы и цивилизации. Кроме меня, Джонатана, Ирвина и парочки техников, кто еще в курсе был на корабле?

Все ясно. Домой добровольно меня никто не отпустит. Слишком велик риск. Не зря целитель сразу предупредил об этом.

Интересно, почему они держатся в тени и не идут на контакт.

Мне очевидно, что для меня есть только один путь. Побег.

Глава 10. Смятение

В Центральном зале, обычно называемом просто Синий, всматриваюсь в огромный визор во всю стену. Даже гипердрайв «Аруны» не способен преодолеть в кратчайшие сроки столько килопарсеков. Судя по добытым материалам из планшета, это один из самых быстрых звездолетов таких габаритов Змеиной Империи Шайрас.

Во время неких расследований корабль лишился значительной части топлива. Тот самый злополучный арканиум и стал причиной посещения Сто семнадцатой планеты и, как следствие, моего спасения. Так я и попала на Правительственный звездолет «Аруна».

Мысли о побеге кажутся мне все более нелепыми. Кого я обманываю? Это невозможно. Куда бежать и, главное, как? Гигантские расстояния простираются между нашими расами.

Обхватив себя руками, разглядываю спиральное скопление звезд с красноватым оттенком. Зловещее из-за красных отблесков, но такое завораживающее.

Конечная цель нашего пути — Патала, поделился со мной Зейрашш. Попутно шайрасский корабль наведывается на различные объекты, о целях визитов мне, естественно, никто не докладывает. В данный период эти знания мне ничем и не помогут. Я вижу, как незначительно меняется персонал. Да и коробки с грузом снуют туда-сюда по эшелонам корабля при помощи платформ-доставщиков.

Возвращаюсь взглядом на экран. Вот он, Новый мир. Дом змеелюдов. И скоро мой. Вопросы по кругу курсируют в моей неугомонной голове. Как я приживусь? Чем буду зарабатывать на жизнь? Кем буду в абсолютно чужом социуме? Вряд ли меня устроит роль безмолвной покорной овечки. А с другой стороны, выбор мне никакой не давали.

Панические всплески перестали посещать измученный мозг, но тревога никуда не делась. Родная, как всегда со мной. Мешает есть и спать, как обычно.

Неопределенность — самое страшное для человека, который привык просчитывать наперед каждый шаг. Учась и работая, четко планируя жизнь, я брала свою тревожность под контроль. Но в последние годы все катится не туда подозрительно часто. Каких-то четыре-пять лет назад знала, какой будет моя жизнь в дальнейшем. А сейчас?

А сейчас жду встречи с командором корабля чуждой для меня расы.

Я немного привыкла к Зейрашшу и его помощнику с труднозапоминающимся именем. Если точнее, то перестала вздрагивать каждый раз при их появлении. Что касается босса этого огромного звездолета, то встречи с ним я откровенно боюсь. Так же, как и хочу. Я точно понимаю — этой встречи не избежать. А если не могу избежать, то необходимо хотя бы знать, что со мной будет дальше. И от отсутствия альтернативы меня знатно потряхивает.

От целителя я так же узнала, что Тим жив, без особых подробностей, но этого мне вполне достаточно. Самое важное — его подлечили и оставили восстанавливаться в семье. Чувство вины перед этим мальчиком полностью не ушло, но я выдохнула, узнав, что он жив, а семье помогли с провизией и медикаментами. А значит, могу отпустить от себя этот эпизод жизни. Скучать о ком-то себе запретила. Мне и так сложно, волнений хватает. Поэтому не стала выспрашивать детали, не хочу знать. Это все в прошлом. Главное — мальчик цел.

Пока я пребывала в состоянии близкому к коме, мне вживили зондом через ухо ретранслятор в центр Вернике, находящийся в височной доле и отвечающий за речь. И теперь я жажду узнать об этом максимально подробно. Для нас, людей, это до сих пор недоступные бионические технологии. Стало ясно, почему при пробуждении мне была понятна речь шайраса. Пока я тупила от седативных препаратов, в голове постепенно синхронизировалось распознавание речи и база слов.

Мне так и неизвестны истинные мотивы наагшайрасов. Зачем этой развитой расе нужны физически слабые люди. Еще с первого дня стало ясно — я не одна у них. Вот это и хочу выяснить в первую очередь. Не хотелось бы стать едой или подопытным экземпляром.

***

— Морайя, командор ждет вас, — молодой красноволосый шайрас на красном хвосте вежливо поклонился мне.

Похоже, тут есть определенная закономерность с окрасом. Либо мода красить волосы и чешую?

Так, снова беспокоюсь не о том. Важно, что навряд ли секретарь командора звездолета кланялся бы еде. Или лабораторной крысе.

— Сспасибо, — бормочу я и следую за молодым змеем. Завороженно слежу за плавным эластичным скольжением.

Меня аккуратно проталкивают в каюту капитана, и с мягким шлепком дверь за мной закрывается.

С большим интересом оглядываюсь. Сдержанный интерьер в коричневых тонах. Приглушенный теплый свет. Ярким маяком горит лампа на темно-красном деревянном отполированном столе, структурой напоминающим красное дерево. Подобный стол стоит у моего деда в стареньком коттедже на Земле, передающемся по наследству в семье Горслей. Неосознанно пересекаю кабинет и подхожу к столу. Веду ладонью по теплой поверхности, вспоминая своих родных.

— Нравится? — вкрадчиво спрашивают у меня за спиной. Едва сдерживаюсь, чтобы не подпрыгнуть на месте. Беда у меня с нервной системой с этими… хвостатыми.

Резко оборачиваюсь, сердито пыхтя.

— О, приношу свои извинения, не хотел испугать, — немного насмешливо произносит мужчина, рассматривая меня.

Вижу же, что хотел. Очень уж внимательный препарирующий взгляд. И я подозрительно сужаю глаза, пытаясь тоже разгадать своего собеседника.

Капитанский синий китель не оставляет простора воображению. Передо мной явно хозяин каюты.

Невзирая на мой немаленький рост под метр восемьдесят, на этом корабле я не нависаю над всеми. Этот тип выглядит не ниже Зейрашша. Метра два по моим соображениям, возможно, и повыше. Примечательно, что он крепко стоит на двух ногах. Учитывая, что я не слышала шагов, пользуется ими весьма ловко. Несмотря на свои внушительные габариты не только в росте.

Темные волосы, длинные, как у большинства наагов. Кофейно-черные сложенные в замысловатые косы. Мужественное лицо, широкие скулы, ямочка на подбородке и чувственные губы. Красавчик? Не знаю. Но могу сказать, очень привлекательный. И явственно шайрас. Вертикальный зрачок и шоколадная радужка с выраженными зелеными всполохами, почти во всю орбиту глаза, выдают происхождение. Зависаю на мгновение, рассматривая их необычный цвет.

— Как ты догадалась, Морайя, я Шанриасс Хан, командор этого космолета, — мужской рокот толкает в воспоминания. Да, именно он достал меня, поломанную из шахты, и спас от ужасной гибели в желудках червей.

Через некоторое время отмираю. Не удивлюсь, если он решит, будто я тормоз.

— Я должна поблагодарить вас за мое спасение, командор Хан, — вежливо склоняю голову. Я действительно очень признательна этому мужчине. Несмотря на полную неопреде-

ленность и страхи, это не идет ни в какое сравнение с тем адом, через который я прошла на Преисподней.

Мужчина делает еще несколько шагов в мою сторону и кивает в ответ, принимая благодарность. С интересом смотрю на его перемещение, сравнивая с биомеханикой человека. И не вижу отличий.

— Анализируешь, — заявляет Шанриасс, хищно подкрадываясь еще ближе, и при этом изучает меня сам. Вижу, как шевелятся крылья его носа и резко расползается зрачок, затапливая радужку. А глаза разгораются искренним интересом.

Мне резко становится не по себе. Несмотря на внутреннее сопротивление, понимаю: этот малознакомый мужчина вызывает у меня определенную симпатию. Выраженную симпатию, если быть честной с собой. При других обстоятельствах я бы и от свидания с ним не отказалась. Или хотя бы пощупать для начала. Едва сдерживаю нервный хмык, знал бы командор о чем я думаю.

Вижу, как дергается его кадык, и тоже сглатываю.

Начинаю сомневаться в своей адекватности. Я его даже не знаю!

Хмурюсь. Может, это синдром благодарной жертвы?

Похоже, и в его голове быстрой вереницей текут мысли. Знать бы о чем.

Эй, Рай, очнись! Зейрашш ошибся. Поплавились твои мозги на Красной планете. Не могли бесследно пройти ни длительное активное излучение, ни критический недостаток нутриентов.

А может, это действие восстановительной терапии целителя? Раз мое либидо вдруг взбунтовалось? Или это результат очень длительного воздержания.

Без сомнения. Всегда есть причина.

Мне тридцать семь. И я до сих пор одинока. Никогда не тратила время на интрижки на работе, считала это унизительным для себя. Одни-единственные относительно длительные отношения так и не завершились ничем. Стивен ревновал меня не только к работе, но и к коллегам. И к Шефу, который был мне скорее вторым отцом, но никак не любовником. Так я и жила одна, посвятив все свое время и энергию работе. Своего человека не встретила и уже смирилась со своим статусом одиночки.

А потом случился «Фрэнсис Дрейк». У меня было три долгих года на Преисподней, чтобы принять гибель экипажа, особенно Джонатана. И признаться, наконец, себе в глубокой симпатии к нему. А на планете-пустыне была одна цель — выжить. Честно? Для меня до сих пор удивительно, что там рождаются дети.

Теперь же со мной творится полная ерунда. Попробую завтра выпросить некоторые анализы и понять, что происходит с моим организмом. Ведь командор даже не человек! Хоть и очень похож на него.

— Ты побледнела, — обеспокоенно произносит Шанриасс, отмерев первым, — может, вызвать Зейрашша?

Побледнела, да. Тошно от себя самой. Не припомню за собой такого.

— О, нет-нет, я в порядке. Можно немного воды?

Сначала я разберусь сама с собой и этими пугающими сигналами.

— Конечно, — отзывается командор и спустя несколько мгновений протягивает бокал с водой.

Стараюсь изо всех сил скрыть дрожание пальцев. Хватаю бокал и быстро выпиваю воду, не глядя мужчину. И по приглашению хозяина каюты удобно располагаюсь на низком диванчике.

К моему везению, он садится в кресло напротив, достаточно далеко от меня.

А это значит, Рай, ты быстро соберешь все мысли в рабочую кучку.

— Чем ты занималась среди людей? Я нашел в твоем рюкзаке кучу лекарств и медицинских инструментов. Мне жаль, что пришлось рыться в твоих вещах, на тот момент не было иного пути, — с сожалением озвучивает командор. На что я снова киваю, соглашаясь. Такая мелочь в той напряженной ситуации. Тем более, сама просила спасти ребенка.

— Вы все правильно поняли, командор, я доктор. Нейрохирург. Дома у меня была обширная практика. Работа в крупной клинике, много пациентов. На Преисподней же не пришлось выбирать. Делала все, что могла для колонистов, — кратко передаю суть своей работы.

— Морайя, — аккуратно интересуется командор, — ты бы хотела продолжить и тут заниматься медициной? Зейрашшу не помешает помощник. И тебе будет легче адаптироваться и принять новую жизнь.

К чему такая забота? Недоверчиво затихаю, пристально уставившись на него.

Но командор прав, так действительно будет легче. Поэтому я соглашаюсь. По-видимому, он преследует свои, пока неясные мне цели.

Оставляю свою подозрительность при себе. Время все покажет.

Он поднимается, чтобы на панели управления вызвать помощника, поворачивается спиной, и перед моими глазами оказывается весьма упругий и соблазнительный… Спина.

Да, точно, спина.

Глава 11. Явью станет сказка

Зейрашш виду не подал, если и удивился приказу командора. Забрал меня под свое руководство в медотсек прямо из Синего зала, где я ожидала его после разговора с Шанриассом. Приятно снова очутиться здесь не в качестве беспомощного груза. Несмотря на неизвестные намерения командора, я благодарна данной мне возможности вернуться к работе. И, если трезво оценить, навряд ли бы была полезна чем-то другим.

Док уделяет мне немного времени. Выдает узкий браслет из матового металла с небольшим дисплеем и набором сенсорных кнопок. Это не только связь и часы, но и доступ к разного рода помещениям. Аналог наших часов, но больше заточен для пребывания на звездолете. Защелкиваю его на руке и удовлетворено улыбаюсь. Браслет почти невесомый и плотно обхватывает мое тонкое запястье. Также Зейрашш вручает тубус со свернутым листом-планшетом внутри. И удостоверение личности: теперь я официально житель Змеиной Империи Шайрас, со всеми привилегиями, обязанностями и ответственностью. Быстро они подсуетились.

Короткий инструктаж, и главный целитель звездолета уползает спасать пациентов, после очередной вылазки, предоставляя мне простор.

То, что надо.

Разворачиваю теперь уже личный планшет и снова окунаюсь в библиотеку. Мне нужны не только медицинские сведения. В планер накидываю темы и вопросы на ближайшую неделю. Дополнительно выделяю часы на ознакомление с местной техникой и методами исследований. В своей работе я постоянно училась новому, но темпы были не столь резвые. Змеедок предложил мне шайрасский метод быстрого обучения военных. Но я собираюсь справиться сама. Не стоит вмешиваться дополнительно в мой пострадавший мозг нечеловеческими технологиями. Вероятно, здешний метод обучения языку еще аукнется в будущем, кто знает.

С разрешения командора мне предоставили доступ к куда более глубоким и обширным сведениям. Пока куда не ткнусь, доступ есть. Значит, смогу углубленно погрузиться в собранные и измеренные данные. А не гадать на кофейной гуще, как предыдущие недели. От Зейрашша толку тоже было немного. Часто он хитро щурил глаза, ссылаясь то на запреты, то на свою занятость, и шустро исчезал. Возможно, с моим введением под его начало у нас будут более продуктивные разговоры.

Когда мозги закипают, приступаю к практической части исследований.

Сначала беру анализы у себя. И отправляю в анализатор. Хочу оценить результаты скопом.

И ничего не нахожу. Референсы и набор исследований отличаются от людских, но база и справочник довольно подробные. По ним становится ясно, среди шайрасов людей ни один, ни десять, а куда больше. Было с чего собрать статистику.

Вопреки ожиданиям, все в норме. Могу похвастаться идеальным здоровьем. Каких-либо следов химии и лекарств анализатор тоже не обнаруживает. Кроме витаминов, которыми обогащают местную кухню. Это обычная практика для дальних полетов. Длительное воздействие искусственных света и гравитации, многократное очищение воздуха и воды, концентраты в питании и клетчатка, выращенная на гидропонике, не оставляют выбора. Это куда проще и дешевле, чем восстанавливать изможденных астронавтов.

Загадка моих чрезмерных реакций на Шанриасса остается не решенной. Бросать ее не собираюсь, но отложить придется. А пока буду держаться от него подальше. Мне нужна холодная голова, а не разжиженная масса в черепной коробке.

Следом загружаю в аппарат кровь наагшайрасов, которые находятся в медблоке в данный момент.

Сейчас меня больше интересуют не столько биохимические и гормональные показатели. С ними разберусь позже. Мне интересен геном этой расы. Можно воспользоваться библиотекой, но хочу освоить новое для себя оборудование. Мне нужна практика, и как можно больше.

Система, закончив анализ, подгружает модель ДНК на гало-экран. В неверии застываю.

— Химеры! — потрясенно шепчу я.

***

— Ашш, покажи мне ДНК шайрасов на тот момент, как его расшифровали, — прошу помощника корабля, немного придя в себя. Ошибки быть не может. Я проверила всех наагов в медблоке. И после сверилась с библиотекой.

— Будет исполнено! — искусственный интеллект послушно выдает на голограмме причудливую нить генома. Опять то же плетение. Два набора генов в одном организме. Значит, это давняя и стойкая мутация.

Это многое объясняет. Шайрасы не такой уж и чуждый нам вид организма. Они почти люди или змеи, в которых много от людей. Очень интересные выверты эволюции в другой части Вселенной.

Не могу устоять на месте. Поэтому в размышлениях широкими шагами пересекаю лабораторию туда и обратно.

Пока я вялилась в медблоке, эта информация была скрыта. Учитывая нестабильность моей психики в тот период и панические атаки, не зря. Мне и так пришлось непросто.

Смахивающим жестом вниз, убираю голограмму и ухожу в свой недавно полученный угол. В тишине и одиночестве легче думать и искать дополнительные сведения.

Я как могла, обжила скоромную каюту младшего персонала, что мне выделили. Личных вещей у меня почти нет, поэтому процесс получился быстрым и весьма не впечатляющим.

Каюта в бело-сером и голубом цвете совершенно точно предназначена для человека. Меня более чем устраивает такая гамма. Может, немного больничные цвета, но зато выглядит чисто и лаконично. Освещение, как и в медотсеке: светящийся потолок с настраиваемой интенсивностью и дополнительно овальный светильник на стене у кровати. Компактная односпальная кровать, я едва на нее умещаюсь со своим ростом. Небольшой столик со стулом, терминал, утопленный в стену у двери для доставки питания и не особо крупных предметов. Там же встроенные в нишу очиститель для одежды, утилизатор, контейнер для индивидуальной доставки вещей покрупнее. Шкаф узкий, но для одного человека вполне достаточный. В нем обнаруживаю минимум одежды: такую же тунику и штаны, сорочку с более строгими брюками и нижнее белье.

Что стол, что кровать — все с округлыми краями, остальное максимально укомплектовано в стены. Весьма практично.

В гигиеническом отсеке с трудом можно развернуться. Здесь раковина с зеркалом, унитаз, гигиенические принадлежности и даже полотенца, а не только воздушная сушка. Удивило, что в ионном душе в такой маленькой каюте доступна подача воды.

Незатейливо и просто. Но свое.

На данном этапе мне пока неясна система оплаты для таких, как я, но, надеюсь, вскоре смогу обзавестись всем необходимым. За три года в пустыне мой уровень притязаний сильно снизился. Чистая вода, качественная еда и мягкая постель. Об этом на Преисподней можно было лишь мечтать.

Каким образом произошла модификация генома, узнаю у Зейрашша. Глаза сегодня уже устали от планшета. И все равно собирались идти на ужин в трапезную на этом же эшелоне. В обед я просто перекусила в лаборатории одним из стандартных питательных наборов.

А преобразование змеиного хвоста в ноги? Уму непостижимо, как возможна трансформация на таком уровне. Это не цвет кожи поменять, а куда более сложные изменения.

***

Мне не удается сильно погрузиться в анализ, часы в браслете сигнализируют о встрече с новым начальником. Он не только мой руководитель в медблоке, но и будет помогать и курировать по всем вопросам. И совместное посещение столовой тоже входит в этот перечень.

С интересом разворачиваю медицинский костюм, его успели доставить в мою комнату. Большим удивлением для меня стало, что у экипажа своя швея. Кроме подгонки формы, можно было заказать и другую одежду. Медицинский персонал относился к числу тех, кто имел возможность выбирать не только из доступной картотеки, но и что-то свое. А шайрасы любят красиво жить. Вот уж, верно, это не является необходимостью в космосе.

Новая форма, идеально отглаженная, лежала в закрытом контейнере у двери. Наспех переодеваюсь, в одежду непривычного для меня антрацитового цвета с зелеными тонкими полосками вдоль штанин и рукавов, и выхожу. И чуть не врезаюсь в змеедока.

— Зейрашш, не успела расспросить Ашша, да и хотела переговорить с тобой, — несколько нетерпеливо начинаю я.

— Прямо сейчас? — уточняет целитель. — Или в трапезной поговорим?

— Лучше сейчас. Наверняка в столовой будет шумно. Ты же понимаешь, насколько ваша раса интересна для меня. Поэтому я решила начать с вашего генома.

И вижу, как Зейрашш довольно скалится.

— Значит, ты уже в курсе, что наагшайрасы — генно-модифицированный организм? — И дождавшись утвердительного кивка, продолжает.

— Мы только предполагаем, когда это произошло. Что-то вроде около сотни тысяч лет назад. Обычно аналогичной перестройке подвержены более простые организмы и клетки. Но в тот момент наша родина Патала оказалась во власти бушующего солнца. Мощное излучение Сурья определенной волны, тепловой шок и, возможно, вирусы способствовали внедрению еще одной нити ДНК в организм человека. Тогда по неизвестной причине люди не вымерли, а стали активно мутировать.

— То есть основой послужил все-таки человеческий организм? — конкретизирую я.

— Да, безусловно. Все наши исследования говорят об этом. Предполагаем, что процесс был небыстрый. У наших предков стали появляться особенные дети, которых становилось все больше. К сожалению, данных, как происходило принятие мутировавших индивидуумов в популяции у нас нет. Не исключено, что первые дети были уничтожены. Как рожденные с непонятными и новыми уродствами. Но чужеродный генетический материал был перенесен в геном человека. Изменить или остановить это было уже невозможно. Необратимый процесс. Постепенно, путем естественного скрещивания и эволюции раса наагшайрасов приобрела тот вид, с которым ты имеешь дело сейчас, — озвучивает факты Зейрашш.

— И да, в парах с людьми всегда рождаются дети с двойным набором генов, и всегда с хвостом, — добавляет он. — Теперь можем идти в столовую? — осведомляется целитель, внимательно изучая оторопевшую меня.

Доминирующий геном. Вроде бы я догадывалась о чем-то таком. Но одно дело предполагать, а другое # когда тебе это вываливают как есть.

— Зейрашш, я так и не поняла до конца механизм вашей трансформации. Везде написано довольно расплывчато.

— А здесь все сложно, Рай. Я медик, люблю все доказанное и понятное. Но трансформация наагшайрасов, это как космос. Мы сами не все о ней знаем. Ее способны вынести только взрослые шайрасы-мужчины, и то далеко не все. Это как начать идти, но нельзя остановиться

до конца пути. С каждым разом все происходит легче, этот навык тренируется. Но первый раз, он всегда самый тяжелый и рискованный. Считай второе рождение шайраса. Процесс длится около суток, несмотря на боль и ужасающий дискомфорт, ты должен в концентрации держать цель. И тогда тело меняется.

— А что бывает с теми, кто не смог довести дело до конца? — Меня сковывает ужас, стоит представить переходные состояния наагов.

— Тебе лучше не знать этого, маленькая землянка. И не видеть, — напористо заявляет Зейрашш.

Прислушаюсь я лучше к его рекомендациям.

Есть мне, естественно, расхотелось. Отношусь к тем людям, кому в стрессе надо уговорить себя заглотить хоть маленький кусочек еды. Но в трапезную все же иду. Не хочу в свой первый рабочий день разворачиваться и уходить к себе.

Заодно переварю ту мысль, что захоти шайрасы, они и без войны станут доминирующей расой. Несколько поколений смешанных браков и двойной геном распространится по всей Земной Коалиции. Замещение текущего людского с одной нитью ДНК — это просто вопрос времени.

Не это ли знали в Правлении и старались избежать? Уничтожая всех людей, кто хоть чуть-чуть приблизился к правде. И к шайрасам.

Глава 12. Невидимый враг

В очередной раз не смогла отвертеться и иду на обед с Зейрашшем. Проще было согласиться с ним ходить в трапезную, чем выслушивать лекции о важности совместного приема пищи и вреде перекусов. И так знаю. Просто… привыкла к другому. И не требуется мне столько еды, как змеехвостым.

Питание на «Аруне» оказалось очень похожим на то, что подается и в наших звездолетах. Вкусно, калорийно и сбалансировано. Какие-то незнакомые виды мяса, рыбы. Новые для меня овощи. Вместо хлеба # маленькие лепешки из муки зуири, так похожей на нашу кукурузную. Но в целом понятные и знакомые вкусы, отличающиеся разве что набором специй. Поэтому еда более ароматная. И, как оказалось, все же более аппетитная, чем стандартная в Коалиции.

Я по привычке ем столовыми приборами, тоже вполне привычной формы. Но некоторые наагшайрасы едят прямо руками, заворачивая в лепешки еду. В диковинку для меня? Да. Но это их правила.

Отмечаю, что больше не кошусь в сторону Зейрашша, рискуя заработать косоглазие, меня перестал удивлять его облик. Куда хуже — я постепенно привыкаю к его постоянному присутствию рядом. Живому участию и поддержке, может, даже искренней? Зейрашш довольно ехидный тип, любит посмеяться, но рядом с ним чувствуешь — не обидит. Приходится напоминать себе о прошлом и о рисках, связанных с близкими отношениями. Не хочу больше боли и разочарований. В последний раз, когда я доверилась, меня снова предали.

— Опять озадачена, маленькая землянка? — вкрадчиво интересуется целитель.

Как ему удается молниеносно считывать перемены в моем настроении? И почему маленькая? С моим-то ростом!

— Кое-что вспомнила, — признаюсь ему и захожу в трапезную.

Там уже полно под завязку шайрасов. Надеюсь, дотошный Зейрашш отвлечется и не будет испытывать мое терпение. Как же! Как только мы выбрали еду и расселись в глубоких удобных креслах, вмещающих и крупных шайрасов, на меня посыпались новые вопросы.

— Тебя кто-то сильно обидел в прошлом, поэтому ты держишься на расстоянии? Вначале я списал твою отстраненность на шоковое состояние и мой успокаивающий коктейль. Он несколько выравнивает эмоциональный фон. Но сейчас ты чувствуешь себя довольно бойко, а твои мысли и чувства часто остаются для меня загадкой. Ты четко выверяешь то, что должны увидеть другие. Я ведь не ошибаюсь? — мягко интересуется Зейрашш.

Но по его внимательным глазам понимаю, спросил из вежливости.

Угу. Обидел. Но тебе об знать не обязательно.

Не готова раскрывать душу. Поэтому отталкиваю дружелюбного дока. И мне далеко не радостно от этого. Но так будет лучше.

— Зачем тебе мои терзания и проблемы, Зейрашш? Своих не хватает забот? — выразительно вскидываю бровь. — Мои не стоят того, чтобы тратить на них время.

— Ошибаешься, колючая землянка. От доверия зависит, насколько результативной в итоге будет наша совместная работа, — целитель настырно стоит на своем.

— Я подумаю, Зейрашш. Благодарю, — холодно выдавливаю в ответ и тут же подскакиваю от грохота в столовой.

Вижу, как молодой шайрас, бледный как стены в трапезной, закатив глаза, бьется в крупных судорогах, попутно снося хвостом столы и кресла. Зейрашш, не растерявшись, сноровисто оттаскивает меня на безопасное расстояние. Дав короткую команду другим шайрасам держать упавшего, ловко извлекает из поясной сумки шприц и вкалывает в шею зафиксированному наагу. Крупные капли пота катятся по лицу и телу поверженного шайраса, а грудь неравномерно вздымается.

Спустя десять очень долгих секунд тело обмякает. И только редкие судороги, пробегающие по всей длине хвоста, выдают случившееся.

Зейрашш посылает команду через свой браслет: доставить медицинскую капсулу. Он обеспокоен, но не удивлен. Значит, это произошло не в первый раз.

— Он жаловался на что-либо сегодня или вчера вечером? — спрашиваю у наага, сидевшего рядом с пострадавшим.

— Эвордашш не хотел есть сегодня, пошел скорее за компанию. Это было удивительно, он ни за что не пропустит время обеда, — охотно отвечает он, другие шайрасы, стоящие рядом, активно кивают. — Жаловался на тошноту и головную боль. Но отказался идти в медицинский блок, сказал, пройдет.

В этот момент к дверям столовой доставляют медицинскую капсулу куда больше той, где восстанавливали меня.

— Зейрашш, запусти сканирование мозга, — прошу я. — Пусть Ашш сделает срезы в трех плоскостях, шаг один миллиметр, — не теряю времени по пути в медотсек.

— Я проверял не раз, с такими симптомами всегда одинаковые изменения, пока мы не знаем, почему они возникают, — озадаченно трет подбородок целитель.

— Можно, я проверю и посмотрю еще раз? Зейрашш, что вам известно об энцефалитах? — вижу, как в капсуле активировался диагностический режим, и по бледному лицу Эвордашша поползли лучи.

Целитель устремляет на меня растерянный взгляд.

— Не много, на самом деле. Как тебе известно, наагшайрасы не подвержены инфекциям. Людей у нас приличное количество, но мы не погружаемся глубоко в воспалительные проблемы мозга. Для лечения людей у нас есть человеческие препараты, не только достижения шайрасской медицины. Признаться, я и не думал в этом направлении прежде, — вижу, док несколько растерян.

Но сейчас важно найти причину, а о моральных страданиях Зейрашша позаботимся позже.

— Как много шайрасов уже пострадало? Давно это началось? Смогли ли спасти их? — продолжаю я шдокапываться до истины.

Мы как раз прибываем в медотсек. Зейрашш благодарит помощников и отправляет их заниматься своими делами.

В отсеке остаюсь я, док и Эвордашш в капсуле.

Слышу, как Зейрашш вызывает командора.

Ох, значит, спокойно поработать не удастся.

***

— По последним данным случаев не особо много, примерно пара тысяч. Первые зафиксированы около четырех месяцев назад. Но рост есть, а так как мы не знаем что это, беспокойство и настороженность объявлены на самом высшем уровне. Мы исследовали воздействия ядов, химических веществ, наносящих подобный урон тканям, и влияние разного типа излучений, но пока мы в тупике. Про поражение инфекцией никто и не думал: это невозможно. Все знают, иммунная система шайрасов и особенно собственный яд, разрушают все известные патогенные бактерии и вирусы, — делится целитель.

— Исследование закончено, вывожу объемную модель, — подает голос Ашш.

— Или было невозможно, — настаиваю я, разглядывая модель, — Ашш, выдай мне аксиальные проекции с шагом в сантиметр.

На развернувшийся передо мной гало-экран посыпались заказанные изображения.

Яркие белые пятна в мозговой ткани. Темные провалы, заполненные жидкостью. Это выглядит как… как грибковая нейроинфекция. Излишне самоуверенные нааги искали причину в другой плоскости. Несомненно, позже они бы доискались до правды. Но и я должна сейчас проверить свои догадки.

— Вижу, у тебя есть предположения, Морайя, — знакомый густой голос заставил мое сердце биться чаще.

Да, как не своевременно. Опять я ярко реагирую на командора.

Работай, Рай, работай и не отвлекайся.

Собравшись, киваю.

— Мне нужно их проверить. Когда он будет стабилен? — снова разглядывая снимки, уточняю у целителя.

— Скажи, что ты собираешься делать. Мы можем и не дождаться улучшений. В медкапсуле выживает процентов шестьдесят-семьдесят заболевших, а без нее и того меньше — двадцать, — отвечает Зейрашш и на ранее поставленные вопросы.

Ничуть не удивлена статистике. Обычная при мозговом поражении микозами. Для людей.

— Нам нужно получить образцы спинномозговой жидкости, ликвора головного мозга, и если получится — это, — увеличиваю белые участки. — Вот тут их можно взять довольно безопасно для Эвордашша.

— Значит действуем, — кивает Зейрашш. — я видел как ты ловко управляешься с хирургическими инструментами, вместе сделаем это.

— Ашш, подготовь операционную, — прошу и, обернувшись, натыкаюсь взглядом на Шанриасса, задумчиво смотрящего на меня.

Он теперь все время будет меня разглядывать?

***

Разминая уставшие трапеции, изучаю результаты анализов взятых образцов.

Была готова поклясться, что найду следы грибковой инфекции, но ничего.

Обломайся, Рай!

Несмотря на все признаки инфекции, ее нет. Нет и все.

Чисто, как пробирка в дезинфекторе.

Но есть сильно поврежденный мозг. Со следами инфекции. Дырки такие, что перепелиное яйцо влезет. Значит, иммунная система справилась, но поздно? А сколько шайрасов преодолели ее с небольшим недомоганием или не почувствовав вовсе?

Если мы не определим болезнь и ее источник, то последствия для расы наагшайрасов могут быть самые удручающие. А возможно, серьезно пострадает небольшой процент, и это в целом не скажется на численности. Мало времени и мало данных.

Дальше мы работаем втроем. Я, Зейрашш и Шанриасс. А помощник целителя на Б. следит за медблоком и спокойно успевает все сам. Кроме Эвордашша на лечении больше никого нет.

Несмотря на усталость, сейчас невозможно остановиться и разойтись по своим каютам.

Шанриасс заказывает еду и напитки прямо в медотсек.

— Нам нужны снимки и кровь на инфекцию всех без исключения на «Аруне». А заболевшие люди были? — озадаченно хмурю лоб.

— Нет, — удивленно тянет док.

— Или мы не знаем этого, или событие просто еще не произошло, — уточняет командор.

Одобрительно киваю в ответ.

— Нам нужно понять, пересекались ли заболевшие между собой. Откуда взялся нулевой пациент, — я дополняю список задач, чиркая в планере. На голограмме над рабочим столом роится уже внушительный список.

— Да, мама бы быстрее решила эти загадки, — грустно выдавливаю. — Я хирург, а не инфекционист.

— К сожалению, нам придется справляться самим. Мы не можем обратиться к твоей матери, — несгибаемо обозначает командор.

И тон такой, не поспоришь. Я прекрасно помню по разговорам с Зейрашшем и сведениям из библиотеке — это невозможно, и просить смысла нет.

— Она специалист в области инфекций? — Уже теплее интересуется он.

— Да. Один из лучших. В любом случае для своих родителей я давно мертва или пропавшая без вести. Не знаю, какую там легенду подкинуло Правление моим родным, — брезгливо морщусь.

Одна мысль об этой шайке высокопоставленных пройдох вызывает отвращение.

Кожу будто покалывает и, подняв голову от планшета, вижу, что Шанриасс стоит рядом и не сводит с меня проницательных глаз.

— Расскажи, как ты оказалась на Красной планете, — бархатисто просит он, погладив меня по предплечью.

Глава 13. Катастрофа

Тремя годами ранее

Сегодня не могу отделаться от чувства надвигающейся опасности. Пытаюсь понять причину беспокойства, но пока все безуспешно.

За завтраком, с трудом поддерживая разговор, ковыряюсь вилкой в омлете. Намереваюсь поесть позже, когда вернется аппетит. Сейчас все равно кусок в горло не лезет. И внутренности скручивает от плохих предчувствий.

Придя в медблок, по внутренней связи набираю Ирвина. Почему-то его и капитана не было за завтраком. Мой вызов остается без ответа, не боясь показаться истеричкой, отправляю с планшета вызов на индивидуальную линию Джонатана. И снова молчание. Да где же они?

Тревога во мне подскакивает до немыслимых размеров. Ощущение беды становится невыносимым.

На всякий случай подготавливаю реанимационный набор, капсулы жизнеобеспечения. Мне нужно заняться делом, пока ситуация не прояснится. Я все еще надеюсь, что моя обеспокоенность беспочвенна. В этот момент в медблок заходит Саша, один из медбратьев, и удивленно смотрит на мои приготовления.

Делаю неопределенный жест и выхожу из медблока. Сегодня не запланировано высадок и тестов исследовательской группы. Пациентов под наблюдением тоже нет. Такие дни можно считать выходными, я могу совсем не посещать медблок, но привычка много работать сильнее. А главное, меня гонит вперед острое предчувствие несчастья.

После недолгих раздумий спешно иду до капитанского мостика.

Когда понимаю, что дверь не реагирует, остатки выдержки рвет в клочья. Прислонившись к стене, стараюсь дышать глубоко и медленно. Закрываю глаза на несколько мгновений, волевым усилием душу в себе страх, возвращая крупицы самообладания. Резкий толчок чуть не валит с ног, мигание света мгновенно приводит меня в состояние быть готовой ко всему. Годы практики в экстренных ситуациях дают свои плоды. А вот свет после череды мерцаний гаснет вовсе. Почему-то нет аварийного освещения и оповещений корабля. Срываюсь в бег, мне нужно в стартовый блок. Там всегда есть кто-то из опергруппы. Уж если кто в курсе, то это они. И в ту же секунду налетаю в темноте на капитана.

— Джон! — пораженно вскрикиваю, почувствовав укол в шею, и через пару секунд оседаю мешком на пол. Меня подхватывают крепкие руки.

— Прости меня, Рай! Так нужно, — тихо выдает мужчина, утаскивая меня по дрожащим коридорам. Корабль трясет, гипердрайв явно не в порядке и не выдержит долго.

— Я же знаю, насколько ты упряма. Мне пришлось сделать так. Наступит день, когда ты простишь меня, моя гордая девочка, — в словах Джонатана слышится явная печаль, он быстро несет мое безвольное тело по темным коридорам.

Я растеряна, и капитан вовсе выбил меня из равновесия своими действиями и словами. Кажется, мы пришли в боковой транспортный отсек для мелких грузов и капсул. Им пользуются на мелких станциях в условиях ограниченного пространства.

— Тебе лучше молчать о наших находках, — Методично запихивая меня в защитный комбинезон, он продолжает: — Сейчас тот самый случай, когда меньше говоришь, дольше живешь.

Я бы протестующе замычала, но не могу. Понимаю: меня скоро отключит. Волевым усилием держусь в сознании, пока Джонатан грузит мое тряпичное туловище в транспортировочную капсулу и надежно пристегивает ремнями. Крышка капсулы опускается.

— Прощай, Морайя, может, мы встретимся вновь! — и тепло улыбнувшись, капитан давит красную кнопку старта.

Ухаю в капсуле вниз, почти теряя сознание. Капсула мягко опускается в модуль, срабатывает механизм крепления и герметизации модуля, и он стремительно покидает «Фрэнсис Дрейк».

Оглушительно кричу, но громкое «Нет!» раздается только внутри моей черепной коробки. Последнее, что помню, как корабль, ставший мне домом, распадается на куски, кажется, вместе со мной.

Понимая, что даже губ разомкнуть не могу, умираю душой.

Все поглощает чернота.

Глава 14. Сдвиг

Уже которые сутки перелопачиваем анализы и снимки с Зейрашшем и его помощником Бейлидассшем, буду звать его Бейли или сломаю язык. В результате тотальной просветки голов и спинного мозга экипажа, четверо наагов отправляются на карантин до выяснения. Но откровенно больных, как Эвордашш, больше нет, и изменений в крови, кроме него ни у кого не обнаружено. Изменение совсем неспецифичное и невозможное для людей.

В медотсеке выделяем большую зону, куда помещаем всех пятерых. Доступ разрешаем только с защитой органов дыхания и через дезинфицирующий шлюз.

Работники медблока, кроме Зейрашша, долго возмущаются, убеждая меня в иной причине, но я упорно стою на своем. Да-да, уже слышала много раз: шайрасы не болеют. До тех пор, пока мы не выясним природу болезни и путь передачи, это необходимость.

— Так странно. Яд в крови. Меня это не перестает удивлять, — тихо бубню себе под нос, разглядывая результат анализа Эвордашша. Но острый слух Зейрашша все улавливает.

— Иммунная система наагшайрасов повышает выработку и токсичность ядов при проникновении патогенов. Первой включается в работу именно эта часть иммунитета. Мы редко можем отследить рост лейкоцитов. Но на самом деле иммунитет работает в комплексе.

Удовлетворено потираю руки. Сказала Рай: нейроинфекция, значит, нейроинфекция. Показатели практически вернулись к норме, но при первом заборе были почти в три раза выше. Явный отклик иммунитета на патоген. Очевидно, нынешняя инфекция нашла брешь в совершенной защите наагшайрасов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.